

Информация для цитирования:

Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 664–684. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684.

Polich S.B. *Nekotorye osobennosti pravosub'ektnosti lits – uchastnikov grazhdanskikh i semeynykh otnosheniy* [Some Peculiar Features of Legal Personality of Persons Participating in Civil and Family Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4. Pp. 664–684. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684.

УДК 347.155+611.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ – УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. Б. Полич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства

Южно-Уральский государственный университет
454091, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ResearcherID: G-1404-2018

ORCID: 0000-003-1021-2552

E-mail: poli1331@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.05.2018

Введение: вопросы правосубъектности отдельных лиц, групп и образований *de-facto* исследуются в правовой доктрине незначительно, поскольку внимание ученых подчинено проблемам изучения правосубъектности в целом как правовой категории. Ни в гражданском, ни в семейном праве до настоящего времени не достигнуто консенсуса относительно юридического содержания категории «правосубъектность». Поэтому вопросам правосубъектности отдельных физических лиц, равно отдельных социальных групп и образований уделяется недостаточное правовое внимание. **Цель:** исследовать особенности правосубъектности отдельных лиц, социальных групп, публичных и непубличных образований. Правовую категорию «правосубъектность» попытаться использовать как правовую границу между субъектами и объектами гражданских правоотношений. Обосновать необходимость (либо отсутствие таковой) квалификации правосубъектности семьи как социальной группы. **Методы:** методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: диалектической и формальной логики, комплексного анализа, сравнения и обобщения, а также системный метод познания. **Результаты:** правосубъектность в гражданском праве представляет собой самостоятельную юридическую форму, в которую облакаются участники гражданских правоотношений. Не исключение – семейное право. Правосубъектность некоторых лиц, участников гражданских и семейных отношений, имеет свои характерные особенности. **Выводы:** правосубъектность физических лиц может возникать до рождения физического лица и не прекращаться его смертью, что является особенностью их правового поло-

© Полич С. Б., 2018

Information for citation:

Polich S. B. *Nekotorye osobennosti pravosub'ektnosti lits – uchastnikov grazhdanskikh i semeynykh otnosheniy* [Some Peculiar Features of Legal Personality of Persons Participating in Civil and Family Relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 4. Pp. 664–684. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684.

УДК 347.155+611.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-42-664-684

SOME PECULIAR FEATURES OF LEGAL PERSONALITY OF PERSONS PARTICIPATING IN CIVIL AND FAMILY RELATIONS

S. B. Polich

South Ural State University
76, Lenina prospekt, Chelyabinsk, 454091, Russia

ORCID: 0000-003-1021-2552

Researcher ID: G-1404-2018

E-mail: poli1331@yandex.ru

Received 04.05.2018

Introduction: issues of legal personality of individuals, groups and entities are *de facto* insignificantly studied in legal doctrine, since scientists focus their attention on the problems of studying legal personality in general as a legal category. Neither civil nor family law has reached a consensus on the legal substance of the category of legal personality. Therefore, insufficient 'legal attention' is paid to the issues of legal personality of individuals, as well as separate social groups and entities. **Purpose:** to study the peculiar features of legal personality of individuals, social groups, public and non-public entities; try using the legal category of legal personality as a legal boundary between subjects and objects of civil legal relations; to justify the necessity (or lack of such) to qualify legal personality of the family as a social group. **Methods:** the methodological framework of the research is based on a set of scientific cognition methods: dialectical and formal logic, complex analysis, comparison and generalization, as well as the system cognition method. **Results:** legal personality in civil law is an independent legal form covering the participants of civil legal relations. Family law is not an exception. Legal personality of some individuals participating in civil and family relations has its own peculiar features. **Conclusions:** legal personality of individuals can arise before the birth of an individual and does not cease after his/her death, which is a feature of their legal status in the 'legal space'. Modern realities of civil circulation indicate the possibility of assigning legal personality to virtual persons (robots) as a projection, a replacement of individuals. However, a signment of legal personality to virtual persons depends entirely on the will of individuals. A peculiar feature of legal personality of legal entities and public entities is that it has the nature of a privilege, a bonus, a recognition. The uniqueness of such legal personality is predetermined by the collective resource capabilities and opportunities of the participants (public entities and legal entities). Married individuals (spouses) and single individuals are vested with an absolute equal legal capacity and civil competence, but unequal family legal personality.

© Polich S. B., 2018

жения в правовом пространстве. Современные реалии гражданского оборота свидетельствуют о возможности надления правосубъектностью виртуальных лиц (роботов), как проекцию, замещение физических лиц. Однако надление правосубъектностью виртуальных лиц пока всецело зависит от воли физических лиц. Особенность правосубъектности юридических лиц и публичных образований состоит в том, что она носит характер привилегии, бонуса, признания. Уникальность данной правосубъектности обусловлена коллективными ресурсными способностями и возможностями участников (публичных образований и юридических лиц). Лица, состоящие в семейных отношениях (супруги), и лица, не состоящие в браке и семье, наделяются абсолютно равной гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, однако неравной семейной правосубъектностью. Поскольку категория правосубъектности свойственна публичным образованиям и юридическим лицам (отдельным социальным группам), то это предполагает возможность ее применения в некоторых правовых ситуациях для квалификации семьи.

Ключевые слова: гражданская правоспособность; гражданская дееспособность; гражданская правосубъектность; правосубъектность nasciturusa; правосубъектность умершего лица; правосубъектность виртуального лица; правосубъектность юридических лиц и публичных образований; семейная правосубъектность; правосубъектность семьи

SOME PECULIAR FEATURES OF LEGAL PERSONALITY OF PERSONS PARTICIPATING IN CIVIL AND FAMILY RELATIONS

S. B. Polich

South Ural State University
76, Lenina prospekt, Chelyabinsk, 454091, Russia

ORCID: 0000-003-1021-2552

Researcher ID: G-1404-2018

E-mail: poli1331@yandex.ru

Received 04.05.2018

Introduction: issues of legal personality of individuals, groups and entities are de facto insignificantly studied in legal doctrine, since scientists focus their attention on the problems of studying legal personality in general as a legal category. Neither civil nor family law has reached a consensus on the legal substance of the category of legal personality. Therefore, insufficient 'legal attention' is paid to the issues of legal personality of individuals, as well as separate social groups and entities. **Purpose:** to study the peculiar features of legal personality of individuals, social groups, public and non-public entities; try using the legal category of legal personality as a legal boundary between subjects and objects of civil legal relations; to justify the necessity (or lack of such) to qualify legal personality of the family as a social group. **Methods:** the methodological framework of the research is based on a set of scientific cognition methods: dialectical and formal logic, complex analysis, comparison and generalization, as well as the system cognition method. **Results:** legal personality in civil law is an independent legal form covering the participants of civil legal relations. Family law is not an exception. Legal personality of some individuals participating in civil and family relations has its own peculiar features. **Conclusions:** legal personality of individuals can arise before the birth of an individual and does not cease after his/her death, which is a feature of their legal status in the 'legal space'. Modern realities of civil circulation indicate the possibility of assigning legal personality to virtual persons (robots) as a projection, a replacement of individuals. However, a signment of legal personality to virtual persons depends entirely on the will of individuals.

Since the category of legal personality is typical of public entities and legal entities (separate social groups), it implies its applicability in certain legal situations to qualify the family.

Keywords: civil capacity; civil competence; civil legal personality; legal personality of the nasciturus; legal personality of the deceased; legal personality of the virtual person; legal personality of legal entities and public entities; family legal personality; legal personality of the family

Information in Russian

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ЛИЦ – УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ И СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С. Б. Полич

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права
и гражданского судопроизводства

Южно-Уральский государственный университет
454091, Россия, г. Челябинск, просп. Ленина, 76

ResearcherID: G-1404-2018

ORCID: 0000-003-1021-2552

E-mail: poli1331@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.05.2018

Введение: вопросы правосубъектности отдельных лиц, групп и образований de-facto исследуются в правовой доктрине незначительно, поскольку внимание ученых подчинено проблемам изучения правосубъектности в целом как правовой категории. Ни в гражданском, ни в семейном праве до настоящего времени не достигнуто консенсуса относительно юридического содержания категории «правосубъектность». Поэтому вопросам правосубъектности отдельных физических лиц, равно отдельных социальных групп и образований уделяется недостаточное правовое внимание. **Цель:** исследовать особенности правосубъектности отдельных лиц, социальных групп, публичных и непубличных образований. Правовую категорию «правосубъектность» попытаться использовать как правовую границу между субъектами и объектами гражданских правоотношений. Обосновать необходимость (либо отсутствие таковой) квалификации правосубъектности семьи как социальной группы. **Методы:** методологическую основу исследования составила совокупность методов научного познания: диалектической и формальной логики, комплексного анализа, сравнения и обобщения, а также системный метод познания. **Результаты:** правосубъектность в гражданском праве представляет собой самостоятельную юридическую форму, в которую облакаются участники гражданских правоотношений. Не исключение – семейное право. Правосубъектность некоторых лиц, участников гражданских и семейных отношений, имеет свои характерные особенности. **Выводы:** правосубъектность физических лиц может возникать до рождения физического лица и не прекращаться его смертью, что является особенностью их правового положения в правовом пространстве. Современные реалии гражданского оборота свидетельствуют о возможности надления правосубъектностью виртуальных лиц (роботов), как проекцию, замещение физических лиц. Однако надление правосубъектностью виртуальных лиц пока всецело зависит от воли физических лиц. Особенность правосубъектности юридических лиц и публичных образований состоит в том, что она носит характер привилегии, бонуса, признания. Уникальность данной правосубъектности обусловлена коллективными ресурсными способностями и возможностями участников (публичных образований и юридических лиц). Лица, состоящие в семейных отношениях (супруги), и лица, не состоящие в браке и семье, наделяются абсолютно равной гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, однако неравной семейной правосубъектностью. Поскольку категория правосубъектности свойственна публичным образованиям и юридическим лицам (отдельным социальным группам), то это предполагает возможность ее применения в некоторых правовых ситуациях для квалификации семьи.

A peculiar feature of legal personality of legal entities and public entities is that it has the nature of a privilege, a bonus, a recognition. The uniqueness of such legal personality is predetermined by the collective resource capabilities and opportunities of the participants (public entities and legal entities). Married individuals (spouses) and single individuals are vested with an absolute equal legal capacity and civil competence, but unequal family legal personality. Since the category of legal personality is typical of public entities and legal entities (separate social groups), it implies its applicability in certain legal situations to qualify the family.

Keywords: civil capacity; civil competence; civil legal personality; legal personality of the nasciturus; legal personality of the deceased; legal personality of the virtual person; legal personality of legal entities and public entities; family legal personality; legal personality of the family

Введение

Чтобы рассмотреть особенности правосубъектности отдельных лиц, групп и образований в гражданских и семейных правоотношениях, для начала следует охарактеризовать саму правовую конструкцию «правосубъектность».

В российской юриспруденции, точнее цивилистике, до настоящего времени не достигнуто единого понимания в части юридической трактовки данной категории.

Достаточно упомянуть выдающегося советского цивилиста С.Н. Братуся, не «видевшего» в одной из своих первых работ «различий» между правосубъектностью и правоспособностью [6, с. 6].

Известный советский цивилист О. А. Красавчиков детально занимался исследованием этой правовой конструкции, поэтому позволим «верно» процитировать суждения, отражающие само существо данной юридической формы.

«Категория правосубъектности является одной из ключевых, методологических в нашей правовой науке. Констатация этого положения вряд ли требует приведения пространной аргументации. Достаточно, видимо, напомнить о той существенной и в равной мере специфической роли, которую играет правосубъектность в механизме правового регулирования социальных общественных отношений» [11, с. 7].

«Правосубъектность относится к числу наиболее общих (базовых) категорий советской науки гражданского права. Подобно юридической норме, правоотношению, юридическому факту и иным аналогичным правовым феноменам, правосубъектность является одним из важнейших элементов правовой системы нашего государства. Общий характер категории правосубъектности обнаруживает себя в целом ряде

различных взаимосвязанных аспектов и, в частности, в том, что абсолютно все участники гражданских правоотношений (в большей или меньшей степени) правосубъектны» [11, с. 11].

Мы видим, что в так называемый советский период развития цивилистики правовой конструкции «правосубъектность» придавалось решающее значение, аккумулировалась необходимость детального исследования этой юридической категории.

Но так ли необходимо это детальное исследование, что оно позволяет выявить, какие закономерности общественного развития установить, а главное, актуальным ли является исследование правосубъектности отдельных лиц, групп и образований?

Ответом к поставленному вопросу станет вполне уместная цитата известного советского и российского теоретика права С. С. Алексеева: «Главное, концептуально настроиться на то, что именно таким путем, в основном через юридические конструкции, другие структурные построения только и возможно вывести юридические знания на уровень соответствующий требованиям современной эпохи. И значит, на уровень максимально высокого их служения практике, решению сложных жизненных проблем» [2, с. 15].

Категория правосубъектности необходима тогда, когда следует разграничить участников гражданского оборота от тех предметов, объектов, информации, а также иных материальных и нематериальных благ, по поводу которых именно субъекты гражданских прав и взаимодействуют друг с другом.

Используя простые логические правила, допуская и применяя формальный анализ применяемых словесных фраз и выражений, следует напомнить давно сформулированное в цивилистике

словлена коллективными ресурсными способностями и возможностями участников (публичных образований и юридических лиц). Лица, состоящие в семейных отношениях (супруги), и лица, не состоящие в браке и семье, наделяются абсолютно равной гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, однако неравной семейной правосубъектностью. Поскольку категория правосубъектности свойственна публичным образованиям и юридическим лицам (отдельным социальным группам), то это предполагает возможность ее применения в некоторых правовых ситуациях для квалификации семьи.

Ключевые слова: гражданская правоспособность; гражданская дееспособность; гражданская правосубъектность; правосубъектность nasciturуса; правосубъектность умершего лица; правосубъектность виртуального лица; правосубъектность юридических лиц и публичных образований; семейная правосубъектность; правосубъектность семьи

Introduction

In order to study peculiar features of legal personality of individuals, groups and entities in civil and family legal relations, it is first of all necessary to characterize the statutory concept “legal personality”.

To the present day, in Russian jurisprudence, to be more exact, in civil law, there has not been developed a uniform understanding of the legal interpretation of this category.

Suffice to mention the outstanding Soviet civilist S. N. Bratus, who did not “see” any “differences” between legal personality and legal capacity in one of his first works [6, p. 6].

The famous Soviet civilist O. A. Krasavchikov studied this statutory concept in detail, so let us quote the judgments that reflect the very essence of this legal form.

“The category of legal personality is one of the key, methodological categories in our legal science. This statement hardly requires a detailed argument. Obviously, it is sufficient to remind of the essential and equally specific role that legal personality plays in the mechanism of legal regulation of socialist public relations” [11, p. 7].

“Legal personality is one of the most common (basic) categories of the Soviet science of civil law. Similar to the legal norm, legal relation, legal fact and other legal phenomena of this kind, legal personality is one of the most important elements of the legal system of our state. The general nature of the category of legal personality is manifested in a range of different interrelated aspects and, in particular,

in the fact that absolutely all the participants of civil legal relations (to a greater or lesser extent) are personable” [11, p. 11].

As we can see, in the so-called Soviet period of the development of civil law, the concept of legal personality was attached a considerable importance, the need for a detailed study of this legal category was accumulated.

But is this detailed study so really necessary? What does it allow us to reveal? What regularities of the social development to establish? And, most important, is studying legal personality of individuals, groups and entities relevant today?

We can answer this question with a quotation of the well-known Soviet and Russian theorist of law S. S. Alekseev: “The main thing is to conceptually set oneself up for the fact that it is possible to bring the legal knowledge to the level corresponding to the requirements of the modern epoch in this way, mainly, through statutory concepts, other structural images. It means – to the level of its highest serving to practice and solving complex life problems” [2, p. 15].

The category of legal personality is “necessary” when we need to distinguish the participants of civil circulation from those items, objects, information, as well as other tangible and intangible benefits, in respect of which the subjects of civil rights interact with each other.

Using simple logical rules, admitting and applying a formal analysis of applied verbal phrases and expressions, it is necessary to “remind” of the rule formulated in civil law long

листике правило, что субъекты права и правосубъектность не равнозначные понятия, равно как никоим образом не следует отождествлять правосубъектность с правоспособностью.

Правосубъектность возникает там, где «намечаются» субъекты гражданских правоотношений. Именно правосубъектность позволяет отграничить субъекты и объекты гражданских прав, или она выступает своеобразным мерилем содержания общественных отношений, регулируемых гражданским правом.

Далее, определяющим критерием правосубъектности является субъективная возможность лица, группы, образования выступать именно участником гражданского оборота, только после реализации данной возможности эти лица, группы, образования становятся субъектами гражданских прав.

Правосубъектность лица, группы, образования «появляется» там, где «появляется» детерминируемая самостоятельно его воля стать полноправным участником имущественного оборота. Эта воля должна быть четко выражена во вне. После «выражения» соответствующей воли любое и каждое лицо, группа, образование ненавязчиво вовлекается в имущественный и неимущественный оборот.

Основной смысл категории «правосубъектность» заключается в том, что **правосубъектность** «раскрывает» *состояние и положение, свойство и статус, структуру и содержание лиц, признаваемых впоследствии субъектами гражданских прав* на текущем этапе экономического и исторического развития.

Сегодня термин «правосубъектность» используется во многих отраслях права, соответственно, имеется упоминание этого понятия в доктрине гражданского права, однако, ради справедливости, заметим – лишь в пределах характеристики правоспособности и дееспособности.

«В юридической литературе не достигнуто единства представлений об элементах, составляющих правосубъектность. Одни авторы отождествляют ее с правоспособностью, другие усматривают в ней два элемента – право- и дееспособность, третьи добавляют к этому еще и деликтоспособность либо конкретные права и обязанности, возникающие непосредственно из закона. Некоторые ученые полагают, что правосубъектность включает в себя и правовой

статус, иные, напротив, считают ее составной частью правового статуса, третьи – отождествляют их» [24, с. 30].

«Несмотря на дискуссии, сторонники всех позиций едины в том, что правосубъектность – характеристика, свойство субъекта права» [9, с. 76–77].

Полагаем, что главной характеристикой правосубъектности служат не только и не столько правоспособность и дееспособность, поскольку эти категории «решают» совершенно иные задачи в праве.

В качестве заявленного аргумента вновь процитируем О. А. Красавчикова: «Думается, что попытка раскрытия существа правосубъектности через категорию “права” неудачна» [12, с. 37].

Основной (судьбоносной) характеристикой правосубъектности выступают сами субъекты гражданских прав, поскольку правовая цель данной категории не что иное, как их обозначение.

С возникновения гражданской правоспособности ее «счастливый обладатель» является правосубъектным, поскольку за ним уже признаются соответствующее право и корреспондирующая ему обязанность.

Но если правоспособность *de-facto* и *de-iure* фактически равна для всех субъектов гражданских правоотношений, то правосубъектность даже равнозначных лиц (например, физических лиц) всегда отличается.

«Достаточно признания лица участником отношений, урегулированных нормами хотя бы одной отрасли права, чтобы считать его правосубъектным. Поскольку лицо может быть субъектом отношений независимо от того, способно ли оно приобретать, осуществлять права и обязанности своими действиями, т.е., иначе говоря, независимо от того, обладает ли оно дееспособностью, правосубъектность не представляет собой совокупности правоспособности и дееспособности. Следовательно, наличие правоспособности означает также наличие правосубъектности независимо от наличия дееспособности» [23, с. 75].

Не отрицая справедливости процитированных суждений, лишь заметим, что одновременное возникновение правоспособности и правосубъектности не свидетельствует о равнозначности этих юридических конструкций.

time ago that subjects of law and legal personality are not equivalent concepts, just as no one should identify legal personality with legal capacity.

Legal personality arises where the subjects of civil legal relations are “outlined”. It is legal personality that allows us to delineate subjects and objects of civil rights; it acts as a peculiar measure of the scope of public relations governed by civil law.

The determining criterion of legal personality is a subjective ability of an individual, a group, an entity to act as a participant in civil circulation; these individuals, groups, entities become subjects of civil rights only after this ability is realized.

Legal personality of an individual, a group, or an entity “appears” where “appears” its independently determined will to become a full participant in the property turnover. This will should be clearly expressed in the outside. After the appropriate will is “expressed”, any and every individual, group, entity is unobtrusively involved in the property and non-property turnover.

The main essence of the category of legal personality is that **legal personality** “discloses” *the state and position, property and status, structure and content of persons subsequently recognized as subjects of civil rights* at the current stage of the economic and historical development.

Today, the term “legal personality” is used in many branches of law. Accordingly, this concept is mentioned in the doctrine of civil law, but for the sake of justice, let us note - only within the characteristics of legal capacity and competence.

“In legal literature, there is no unanimity of opinion about the elements that make up legal personality. Some authors identify it with legal capacity, others see two elements in it – legal capacity and competence, while still others add delictual dispositive capacity or specific rights and obligations arising directly from the law. Some scholars believe that legal personality includes a legal status, others, on the contrary, consider it to be an

integral part of the legal status, the third ones identify them” [24, p. 30].

“Despite the discussions, supporters of all the points of view agree that legal personality is a characteristic, a property of the subject of law” [9, pp. 76–77].

We believe that the key characteristic of legal personality are not only and not so much legal capacity and competence, because these categories “solve” absolutely different tasks in law.

Let us again quote O. A. Krasavchikov: “The attempt to reveal the essence of legal personality through the category of “law” seems to be unsuccessful” [12, p. 37].

The main (decisive) characteristic of legal personality are the subjects of civil rights themselves, because the legal purpose of this category is nothing other than their designation.

As soon as legal capacity arises, its “happy owner” is personable, being assigned with the relevant right and the corresponding obligation.

However, if legal capacity is *de-facto* and *de-jure* actually equal for all the subjects of civil legal relations, legal personality of even equivalent persons (say, individuals) is always different.

“It is sufficient to recognize a person as a participant of the relations regulated by the norms of at least one branch of law in order to consider it to be personable. Since a person can be a subject of relations, regardless of whether it is able to acquire, exercise rights and obligations through its actions, i.e., in other words, regardless of whether it is competent, legal personality does not constitute a set of legal capacity and competence. Consequently, the existence of legal capacity also means the existence of legal personality, regardless of the existence of competence” [23, p. 75].

Without denying the validity of the cited judgments, we only note that the simultaneous appearance of legal capacity and legal personality does not indicate the equivalence of these statutory concepts.

Правосубъектность может возникать и тогда, когда еще не возникла правоспособность, и иметь место при отсутствии оной. Правосубъектность в качестве решающей характеристики определяется именно статусом (свойством) и положением (состоянием) лица в гражданском обороте, а право и дееспособность – его правовыми возможностями и их реальной реализацией.

С позиции квалификации правосубъектности как правового статуса, положения лица в гражданском обороте, в дальнейшем и попытаемся сформулировать особенности правосубъектности отдельных лиц, групп, образований.

Об особенностях правосубъектности физических лиц

Является достаточно общеизвестным фактом, что русское, советское и, наконец, российское гражданское законодательство никогда не оперировало термином «правосубъектность физического лица»¹, а равно – «правосубъектность неродившегося, равно умершего лица». Вместо этого понятия в гражданском праве и гражданском законодательстве давно и повсеместно используются категория «правоспособность физического лица» и категория «дееспособность физического лица».

Правосубъектность физического лица представляет собой так называемое «имущественное и статусное состояние» гражданина, уникальность этого состояния обусловлена предпринимательскими и потребительскими способностями конкретного индивидуума. На содержание правосубъектности влияют характерологические особенности личности (например, неумелое и неразумное распоряжение денежными средствами и иным имуществом, неумение брать на себя ответственность за принятые решения, легкомысленность и несвоевременность в платежах по долговым обязательствам и т. д.).

Правонаделение с достаточной степенью условности можно отнести к начальной или, попробуем применить образное выражение, – «зародышевой стадии» правосубъектности. Дальнейшую интерпретацию этой «стадии» не представляется возможным ни смоделировать,

ни спрогнозировать. Правонаделение – один из составных компонентов правосубъектности, имеющий определяющее (судьбоносное) значение применительно к любому субъекту права.

Подобно тому, как один гражданин наделяется одним объемом субъективных прав и соответствующими этим правам обязанностями исходя из составляющих его практической жизнедеятельности (женат, индивидуальный предприниматель, участник хозяйственного общества, собственник элитной недвижимости и т.д.), другой гражданин, в свою очередь, наделяется другим объемом прав и соответствующими этим правам обязанностями (холост, государственный служащий, проживающий в коммунальной квартире по договору социального найма и т.д.).

Подобное «правонаделение» и составляет так называемый «начальный» объем правосубъектности. В некоторых случаях правосубъектность может иметь иное (более широкое) правовое содержание, нежели правоспособность. Или, у неродившегося ребенка правоспособность не возникла, но зародыш (нацитурус) при наличии определенных условий (появлении на свет) становится носителем субъективных прав и обязанностей, поскольку это прямо предусмотрено действующим гражданским законодательством – статьей 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Так почему же nascитуруса нельзя признать правосубъектным, ежели само его фактическое наличие уже свидетельствует о его праве в силу закона?

Поскольку nascитурус de-facto наделяется правом до его «физического обособления», постольку такое право с момента появления зародыша, подтвержденного медицинским освидетельствованием, может быть любым предусмотренным законом способом защищено его законными представителями.

Тогда возникает закономерный вопрос: разве защита права может существовать сама по себе, вне зависимости от ее субъекта?

Возможность подобной защиты как раз и свидетельствует о возникновении правосубъектности nascитуруса (зародыша), правоспособность которого возникает только с момента рождения самого ребенка.

Legal personality can also arise when legal capacity has not yet arisen and can exist in the absence of such. **Legal personality as a decisive characteristic is determined by the status (property) and position (standing) of the person in the civil circulation, while the right and competence - by the person's legal capabilities and their actual realization.**

From the perspective of qualifying legal personality as a legal status, a position of the person in the civil circulation, we will further try to formulate the peculiar features of legal personality of individuals, groups, entities.

On the Peculiar Features of Legal Personality of Individuals

It is a fairly well-known fact that the Russian civil legislation throughout the course of history has never used the term “legal personality of an individual”¹, neither used it the term “legal personality of an unborn or a deceased person”. They are the category of legal capacity of an individual and the category of competence of an individual that have been used in civil law and civil legislation instead.

Legal personality of an individual person is the so-called “property and status standing” of a citizen, the uniqueness of this standing being determined by the entrepreneurial and consumer abilities of the particular individual. The scope of legal personality depends on characteristics of the person (for example, inept and unreasonable disposal of funds and other property, inability to take responsibility for decisions, lightheadedness and untimely payment of debt obligations, etc.).

Vesting with rights can be to some extent attributed to the initial or, let us use a figurative expression, a “germinal stage” of legal personality. It is neither possible to model nor to forecast further

interpretation of this “stage”. Vesting with rights is one of the components of legal personality, having a determining (decisive) nature as applied to any subject of law.

In the same way that one citizen is vested with a certain scope of legal rights and relevant obligations based on the constituents of his/her practical life activities (married, individual entrepreneur, member of an economic society, owner of elite real estate, etc.), another citizen, in turn, is vested with another scope of rights and relevant obligations (single, public officer, dweller of a shared apartment under the contract of social rent, etc.).

Such “entitlement” constitutes the so-called “initial” scope of legal personality. In some cases, legal personality may have a different (broader) legal substance than legal capacity. Or, legal capacity of an unborn child has not arisen, but the embryo (nasciturus) becomes a holder of legal rights and obligations under certain conditions (coming-into-being), since it is directly provided for by the applicable civil legislation – Article 1116 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF CC).

So, why cannot a nasciturus be recognized personable if its actual existence already indicates its right by virtue of law?

A nasciturus is de facto vested with rights before its “physical separation”, so such rights can be protected by its legal representatives from the moment of the appearance of the embryo confirmed by a medical checkup.

At this point, the next logical question arises: cannot protection of the right exist by itself, regardless of its subject?

The possibility of such protection indicates the emergence of legal personality of the nasciturus (embryo), whose legal capacity arises only from the birth of the child himself/herself.

¹ Данный термин широко применяется в доктрине гражданского права.

¹ For the sake of justice, it should be noted that this term is widely used in the doctrine of civil law.

Возьмем на себя смелость говорить о более широком категорийном значении правосубъектности физического лица, нежели правоспособность физического лица.

Воля зародыша вовне еще не выражена, поскольку детерминирована волей другого лица или нескольких лиц (его биологических отца и матери, иных родственников, медицинских работников), поэтому объективно «требуется» социальная защита его права, прежде всего на жизнь!

Не думаем, что воля любого и каждого зародыша направлена на преждевременное прекращение его жизни и дальнейшего физического развития; смеем предположить, что эта воля **всегда!** детерминирована к жизни и к ее соответствующим атрибутам, в том числе и правовым!

Подобные подходы в вопросе характеристики правосубъектности лица до его физического обособления использовались еще в русском гражданском праве XIX века!

«Между прочим, и другое положение, что правоспособность начинается с момента рождения, тоже неправильно, и этом видно уже из сообщаемых тут же рядом с ним положений о зародышах, младенцах в утробе матери. А именно рядом с традиционным отрицанием правоспособности и личности до момента рождения также традиционно сообщается, что для младенца в утробе матери сохраняются разные права, в том числе наследственные, что для охраны соответствующих прав (т. е. для предъявления исков в качестве представителя плода и т. д. может быть для него назначен особый попечитель, curator и т. д.; или даже просто и ясно говорится, что младенец в утробе матери имеет «некоторые частные и публичные права» (Дернбург, Пандекты, параграф 50). Таким образом, продолжение изложения учения о начале правоспособности содержит скрытое неясными выражениями о сохранении прав или ясное и открытое противоречие тому, что говорится о начале этого учения.

«Если бы современное правоведение не ограничивалось положениями римского и современного права относительно субъектов, а расширило горизонт и материал своего учения, обратившись к правам других степеней культуры, то оно убедилось бы, что для признания человеческих существ субъектами прав и обязанностей не нужно даже и зачатия. Так, по правам известных ступеней культуры, заклю-

чаются договоры, приобретаются права, например право собственности, признаются обязательства не только от имени и на имя всех живущих, но и от имени и на имя всех потомков («на все времена»), всего семени и т. п.» [14, с. 323–324].

Пойдем в своих рассуждениях далее, полагаем, что правосубъектность «свойственна» не только не «появившемуся на свет» физическому лицу, но и умершему лицу.

Попытаемся обосновать возможность такой «квалификации» умершего физического лица – именно как правосубъектного, обозначив следующие аргументы.

Первым аргументом правосубъектности физического лица после его смерти могут служить положения авторского права, предусматривающие сохранение авторства в течение 70 лет, начиная с года, следующего за годом его фактической смерти (пункт 1 статьи 1281 ГК РФ).

Вторым аргументом правосубъектности физического лица после его смерти могут служить положения Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), поскольку de-facto позволяют изменить его наследственное имущество.

Является ли в рассматриваемом случае умершее лицо субъектом права, и почему арбитражный суд признает банкротом уже не существующее в реальной действительности лицо, а не констатирует несостоятельность (или реальное отсутствие) его наследственного имущества?

Для начала обратимся к материалам современной арбитражной судебной практики, позволяющей некоторым исследователям иногда адекватно оценить реально существующие общественные отношения.

Выборочное изучение формирующейся в Российской Федерации (2015–2017 годы) судебной практики рассмотрения дел о признании физических лиц несостоятельными (банкротами)² показало, что в мотивировочной части судебных актов констатируется несостоя-

² Постановления Арбитражного суда: Волго-Вятского округа от 24 окт. 2016 г. по делу А82-15597/2015; Центрального округа от 30 янв. 2017 г. по делу А83-1835/2006; Северо-Западного округа от 15 окт. 2015 г. по делу А13-5304/2013, от 21 марта 2016 г. по делу А13-16577/2014; Поволжского округа от 1 апр. 2015 г. по делу Ф06-22614/2013; постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 19 мая 2016 г. по делу А82-15597/2015.

Let us take the liberty of asserting a broader categorical meaning of legal personality of an individual rather than legal capacity of an individual.

The will of the embryo is not expressed yet because it is determined by the will of another person or several persons (its biological father and mother, other relatives, medical workers), so it is objectively “necessary” to socially protect its right, primarily to life!

We do not think that the will of any and every embryo is aimed at a premature termination of its life and further physical development; we dare to assume that this will is **always!** determined to life and its relevant attributes, including the legal ones!

Similar approaches to characterizing legal personality of an individual before his/her physical separation were used in Russian civil law as far back as in the 19th century!

“By the way, another point of view – that legal capacity arises from the moment of birth – is also wrong, which can be seen from the ideas about embryos, infants in the womb stated right there. Namely, along with the traditional denial of legal capacity and personality before the moment of birth, it is also traditionally reported that different rights, including hereditary ones, are preserved for an infant in the womb, that for the protection of the relevant rights (i.e., to file claims a special trustee, curator, etc. may be appointed as a representative of the fetus; or it is clearly stated that an infant in the womb has “some private and public rights” (Dernburg, Pandects, paragraph 50).

Thus, the further one goes in studying the doctrine of the emergence of legal capacity, the higher the probability to encounter contradictions to what is said at the beginning, with this contradictions being hidden by vague statements about the preservation of rights or sometimes precise and open.

“If modern jurisprudence was not limited to the provisions of Roman and modern law with respect to subjects, but widened the horizon and the material of its doctrine, resorting to the rights of other degrees of culture, it would be convinced that even fetation is not needed to recognize human beings as subjects of rights and obligations. For example, according to the rights of the known degrees of culture, contracts are concluded, rights are

acquired (for example, rights of ownership), obligations are recognized not only on behalf and in favor of all the living people, but also on behalf and in favor of all the descendants (“for the ages”), the whole seed, etc.” [14, pp. 323–324].

Moreover, we believe that legal personality is “typical” not only of an “unborn” individual but of a deceased one as well.

Let us try to justify the possibility of “qualifying” a deceased individual as personable, relying on the following arguments.

The first argument in favor of legal personality of an individual after his/her death can be seen in the provisions of copyright law stipulating the preservation of authorship for 70 years, starting with the year that follows the year of his/her actual death (Clause 1, Article 1281 of the RF CC).

The second argument confirming legal personality of an individual after his/her death can be found in the provisions of Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” (hereinafter referred to as Bankruptcy Law) – according to the provisions, hereditary property of such individual can be changed de facto.

Is the deceased person a subject of rights in the considered case? Why does the arbitration court recognize the person who does not exist in reality as a bankrupt instead of stating the inconsistency (or the real absence) of his/her hereditary property?

To begin with, let us refer to the materials of current arbitration judicial practice, which sometimes allows researchers to adequately assess the actual social relations.

According to the selective study of the judicial practice in the Russian Federation (2015–2017) concerning proceedings for the recognition of individuals as insolvent (bankrupts)², the analytical part of judicial acts states insolvency

² Judgment of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District in the case No. A82-15597/2015 of October 24, 2016, Judgment of the Arbitration Court of the Central District in the case No. A83-1835/2006 of January 30, 2017, Judgment of the Arbitration Court of the North-Western District in the case No. A13 -5304/2013 of October 15, 2015, Judgment of the Arbitration Court of the North-Western District in the case No. A13-16577/2014 of March 21, 2016, Judgment of the Arbitration Court of the Volga District in the case No. F06-22614/2013 of April 01, 2015, Judgment of the Second Arbi-

тельность (банкротство) именно умершего физического лица, а не его наследственного имущества.

Цитата: «Суд решением от 03.03.2015 признал Гасанова Аббаса Идаят оглы несостоятельным (банкротом), ввел процедуру реализации имущества гражданина, утвердил финансовым управляющим должника Горшкова К. Г. и включил требования Лапаевой Д. В., подтвержденные вступившим в законную силу решениями Фрунзенского районного суда города Ярославля в реестр требований кредиторов должника третьей очереди»³.

Лишь в редких случаях арбитражные суды «высказываются» о банкротстве наследственной массы.

Цитата: «Вместе с тем законодательство о банкротстве не предусматривает введение банкротства в отношении самих наследников. В указанном случае подлежит возбуждению дело о банкротстве умершего (наследственной массы).

Дело о банкротстве гражданина (его наследственной массы) может быть возбуждено после его смерти (п. 1 статьи 223.1 Закона о банкротстве). В этом случае заявление в суд могут подать кредитор, уполномоченный орган, а также наследники должника.

Права и обязанности гражданина в деле о его банкротстве в случае его смерти или объявления его умершим осуществляют наследники гражданина, а до их определения осуществляет исполнитель завещания или нотариус по месту открытия наследства (пункт 4 статьи 223.1 Закона о банкротстве).

В конкурсную массу входит имущество, составляющее наследство гражданина (п. 7 статьи 223.1.)»⁴.

Или, применяя современное законодательство о банкротстве физических лиц, de-facto арбитражные суды не разграничивают субъекты и объекты прав.

Следует заметить, что соответствующая практика в Российской Федерации находится в стадии формирования, поэтому необходимо обозначить и иные подходы в указанном вопросе.

Например, в рекомендациях научно-консультативного совета при арбитражном суде одного из округов Российской Федерации на вопрос: «будет ли возбуждение о банкротстве гражданина распространяться в том числе и на него как индивидуального предпринимателя при наличии у должника соответствующего статуса у физического лица» – дан ответ: возбуждение дела о банкротстве гражданина будет распространяться на него и как на индивидуального предпринимателя при наличии у должника соответствующего статуса, поскольку у такого лица *единая правосубъектность и имущественная масса*»⁵ (курсив наш. – С. П.)

А теперь в целях дальнейшего доктринального исследования процитируем известного ученого XIX века Г. Ф. Шершеневича: «Несостоятельность является особым состоянием имущества, а не лица, которое признается его субъектом. Цель объявления кого-либо несостоятельным и учреждение по делам его конкурса состоит в том, чтобы привести в известность имущество и долги несостоятельного определенными законом способами с сохранением по возможности интересов как должника, так и всех его кредиторов, не давая из числа последних, пользующихся по своим претензиям равными правами, предпочтения одному перед другим» [21, с. 216, 218].

Не будем отрицать очевидное – главной прерогативой несостоятельности является неспособность физического лица обеспечить уплату по долговым обязательствам перед кредиторами тем имуществом, которое находилось у него к моменту смерти.

Но предложенный не далее как в XIX веке подход (может быть, и вполне разумный и правильный, сформулированный в виде концепции лежащего наследства) к квалификации несостоятельности умершего гражданина, смеем утверждать, «исчерпал» себя в XXI веке.

Сущность этого подхода, прежде всего, отвечает потребностям имущественного оборота, не подвергнутого экспансии информационных технологий и цифрового (виртуального) пространства.

³ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.10.2016 по делу А82-15597/2015.

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 марта 2016 г. по делу А12-4504/2016.

⁵ Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Северо-Западного округа по итогам заседания 22–23 сентября 2016 года (г. Вологда), п. 24, размещены на официальном сайте соответствующего суда.

(bankruptcy) of the deceased individual but not of his/her hereditary property.

Quotation: “Under the judgment of 03.03.2015, the court recognized Gasanov Abbas Idayatogly as insolvent (bankrupt), introduced the procedure for disposing the property of the citizen, approved K. G. Gorshkov to be the financial manager of the debtor and included the claims of D. V. Lapaeva confirmed by the effective judgments of the Frunze District Court of Yaroslavl in the list of creditors of the third priority debtor.”³

It is only in rare cases that arbitration courts “declare” bankruptcy of the mass of the succession.

Quotation: “At the same time, the bankruptcy law does not provide for the introduction of bankruptcy against the heirs themselves. In this event, it is necessary to initiate the case of bankruptcy of the deceased person (mass of the succession).

The case of bankruptcy of an individual (his/her mass of the succession) may be initiated after his/her death (Clause 1, Article 223.1 of the Bankruptcy Law). In this event, a creditor, an authorized body, as well as heirs of the debtor can file a claim in the court.

The rights and obligations of an individual in his/her bankruptcy case in the event of his/her death or declaring him/her deceased shall be exercised by the heirs of the individual, and prior to their determination – by the administrator or notary public at the place of opening the inheritance (Clause 4, Article 223.1 of the Bankruptcy Law).

The bankruptcy estate includes the property that makes up the individual’s inheritance (Clause 7, Article 223.1.)”⁴.

Or, applying current legislation on bankruptcy of individuals, arbitration courts de facto do not differentiate between subjects and objects of rights.

It should be noted that the relevant practice is at the stage of formation in the Russian Federation, so some other approaches should be identified in this matter.

tration Court of Appeal in the case No. А82-15597/2015 of May 19, 2016.

³ Judgment of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District in case No. А82-15597/2015 of October 24, 2016.

⁴ Judgment of the Twelfth Arbitration Court of Appeal in the case No. А12-4504/2016 of March 22, 2016.

For example, in the recommendations of the Scientific Advisory Council at the arbitration court of one of the constituent entities of the Russian Federation, to the question: “will the initiation of a bankruptcy case against an individual be extended to him/her as an individual entrepreneur if the debtor has an appropriate status?”, the answer was: “the initiation of a bankruptcy case against an individual will be extended to him/her as an individual entrepreneur if the debtor has an appropriate status, since such individual has *single legal personality and assets*”⁵

Now, for the purposes of further doctrinal research, let us quote the well-known scientist of the 19th century G. F. Shershenevich: “insolvency is a special state of property but not a person, who is recognized as its subject. The purpose of declaring someone insolvent and the initiation of a competitive tender in respect of his affairs is to make the insolvent’s property and debts public by certain legal means with the preservation of the interests of both the debtor and all his creditors, if possible, without giving preferences to the latter ones, who exercise equal rights under their claims” [21, pp. 216, 218].

We are not going to “reinvent the wheel” and deny the obvious – the main prerogative of insolvency is the inability of an individual to ensure payment of his/her debt obligations to the creditors with the property that belonged to him/her at the time of death.

However, we dare to state that the approach (perhaps, quite reasonable and correct, formulated as a concept of lying inheritance (hereditasiacens) to qualifying the insolvency of a deceased person, proposed in the 19th century, “exhausted” itself in the 21st century.

The essence of this approach, first of all, meets the needs of the property turnover not exposed to the expansion of information technologies and digital (virtual) space.

⁵ Recommendations of the Scientific Advisory Council of the Arbitration Court of the North-Western District on the results of the meeting of September 22-23, 2016 (Vologda). Item 24. Posted on the official website of the corresponding court. [Available at: <http://fasszo.arbitr.ru/welcome/show/633200024/458>]

Современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о формирующейся тенденции повсеместной индивидуализации человеческого пространства, что, в свою очередь, напрямую связано с бурным развитием ИТ-технологий в имущественном и неимущественном обороте.

Между тем основными факторами, которые будут влиять на развитие прав в будущем, можно назвать глобализацию, цифровую экономику (digitalisation) и мировой финансовый кризис.

Далее, преимущественное большинство участников имущественного оборота начинает втягиваться в виртуальное пространство, которое «обратной стороной» может «высвечивать» серьезные репутационные риски для конкретного физического лица в будущем, обусловленные и несостоятельностью (банкротством).

Однако современный российский законодатель, игнорируя современные экономические реалии, «внедрил», концепцию, суть которой сводится к следующему.

«Смерть должника, торговые дела которого пришли в расстройство, не составляет препятствия для объявления несостоятельности. Имущество, оставшееся после смерти должника, представляет собой наследственную массу, которая ожидает еще себе хозяина или уже нашла себе нового субъекта. Соответственно тому, пока наследство не принято субъектом, объявляемым в положение несостоятельности должно быть само наследство как юридическое лицо» [21, с. 218].

Или: более ста лет назад в доктрине русского гражданского права выдвигался тезис, что при наступлении универсального правопреемства и в случае инициирования процедуры банкротства в отношении наследодателя возникает именно несостоятельность наследственного имущества. Возьмем на себя смелость интерпретировать эти суждения так: к банкротству умершего физического лица de-facto применялась концепция банкротства юридического лица.

Или: ежели *не существует реального субъекта права*, то в этом случае применяются правила о банкротстве также не существующего в *объективной реальности субъекта права – юридического лица*.

Но уместен ли такой подход в современных реалиях имущественного оборота? Только на так называемой «переходной» стадии развития человечества – от эпохи прерогативы материальных благ к эпохе прерогативы информационных благ. Кроме того, современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о серьезном «обособлении» субъектов прав от объектов прав, что объективно связано с развитием информационных технологий и цифрового пространства.

Заметим, не всеми признаваемые в науке гражданского права «вещные» права на имущество (собственность, сервитут, залог и т.д.) имеют «привязку» к субъекту (физические лица, юридические лица, публичные образования); или само по себе право без его обладателя теряет ценностное значение и логический смысл.

Дополнительно следует обозначить, что только фактические и юридические действия субъекта права, в том числе и уже умершего физического лица, приводят к *«неплатежеспособному состоянию»* его имущества, в том числе наследственной массы, а не наоборот.

Другое дело, что умершее физическое лицо не обладает так называемой «естественной возможностью» изменить свое имущественное состояние, или ежели возможность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов у живых людей полностью не утрачена, то у мертвых людей она абсолютно невозможна. Подобные «прописные» истины кажутся естественными, если бы не ранее обозначенные позиции известных цивилистов XIX века.

Еще раз повторим, что отсутствует смысл отрицать, что после смерти физическое лицо утрачивает правоспособность в естественном порядке. Если в случае инициирования судебной процедуры банкротства отсутствующего должника в результате явки и обнаружения физического лица возможно так называемое «восполнение» правоспособности, то в случае смерти это совершенно невозможно в силу естественных (биологических) причин.

Но остается ли в случае инициирования несостоятельности (банкротства) умершее лицо правосубъектным? Можем утверждать, что да, поскольку уже после смерти арбитражный суд констатирует изменение его имущественного состояния.

Current trends in the development of the Russian society indicate the emerging tendency of a universal individualization of the human space, which, in turn, is directly related to the rapid development of IT technologies in the property and non-property turnover.

Meanwhile, globalization, digitalization and the global financial crisis can be called the main factors that will influence the development of rights in the future.

Further, the majority of participants in the property turnover are involved into the virtual space, which can “highlight” serious reputational risks preconditioned by insolvency (bankruptcy) for a particular individual in the future with its “reverse side”.

Meanwhile, the modern Russian legislator, ignoring the current economic realities, has “implemented” a concept, whose essence is reduced to the following.

“The death of a debtor whose trading affairs have become disordered does not constitute an obstacle to declare his/her insolvency. The property left after the debtor’s death is a mass of the succession that is waiting for another owner or has already found a new subject. Accordingly, while the inheritance is not yet accepted by the subject, the inheritance itself as a legal entity should be declared insolvent” [21, p. 218].

Or, over a hundred years ago, the doctrine of Russian civil law put forward a thesis that in case of a universal succession and an initiation of a bankruptcy procedure against the testator, the hereditary property becomes insolvent. Let us take the liberty of interpreting these judgments as follows: the concept of bankruptcy of a legal entity was de facto applied to bankruptcy of a deceased individual.

Or, if there is **no real subject of rights**, we apply the rules of bankruptcy of *a legal entity*, also *being a subject of rights not existing in the objective reality*.

But is this approach appropriate in the modern realities of property turnover? Only at the so-called “transitional” stage of the human development from the era of the material wealth prerogative to the era of the information wealth prerogative. In addition, the current trends in the development of the Russian society indicate a serious “separation” of the subjects of rights from the objects of rights, which is objectively connected with the development of information technologies and digital space.

It should be noted that not all the “material” property rights (property, easement, pledge, etc.) recognized in the civil law science are “bound” to the subject (individuals, legal entities, public entities); or the right in itself loses its value and logical sense without its owner.

In addition, it should be noted that only the actual and legal actions of a subject of rights, including a deceased individual, lead to the *“insolvent state”* of his/her property, including the mass of the succession, but not vice versa.

It is a different matter that a deceased individual does not have the so-called “natural ability” to change his/her property state. While people being alive have not completely lost the ability to satisfy the creditors' claims, it is absolutely impossible for deceased people. Similar “commonplace” truths seem natural, if not for the previously mentioned views of the famous civilists of the 19th century.

Let us repeat that there is no sense in denying that after death an individual naturally loses his/her legal capacity. The so-called “replenishment” of legal capacity is possible if a bankruptcy procedure is initiated against an absent debtor as a result of the appearance and detection of the individual, but in case of death it is absolutely impossible for natural (biological) reasons.

However, does a deceased individual remain personable in case of initiating insolvency (bankruptcy)? Let us assume that yes, since the arbitration court states a change in his/her property status after death.

В качестве дополнительной аргументации приведем интересную цитату одного из ярчайших ученых-правоведов Л.И. Петражицкого: «В самом учении о физических лицах как отдельных живых людях, обладающих правоспособностью с момента рождения до момента смерти, обыкновенно сообщаются такие положения (официального) права, из которых видно, что подлежащие основным учениям о физических лицах неправильны, в частности, что правоспособность не прекращается непременно в момент смерти, что иметь права и обязанности могут и покойники» [14, с. 321].

Еще в конце XIX века некоторыми учеными de-facto разграничивались понятия правосубъектности и правоспособности.

Поэтому завершим исследование этого вопроса логическим выводом: **несостоятельность (банкротство) – это юридическое состояние не объекта права, а субъекта права. Умершее лицо, в период рассмотрения судом вопроса о его несостоятельности (банкротстве), можно считать правосубъектным, так как его правовая связь с обществом не утрачена.**

Дополнительно заметим, что правосубъектность физических лиц, приносим извинения за тавтологию, «физически не обособленных» в имущественном и неимущественном обороте, может быть аргументирована теорией динамической правоспособности М. М. Агаркова.

Суть этой теории ее автор изложил так: «...правоспособность должна быть понята динамически. Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами» [1, с. 72].

«Теория динамической правоспособности должна быть отвергнута и при характеристике специальной правоспособности юридических лиц. Основной порок теории динамической правоспособности состоит в том, что ее сторонники смешивают объем правоспособности субъекта права (гражданина и организации) с объемом принадлежащих лицу в каждый данный момент субъективных прав» [20, с. 13].

Полагаем, что соответствующая критика применительно к категории правоспособности может быть и справедлива, но является совер-

шенно неверной и абсолютно несправедливой для категории гражданской правосубъектности.

Даже учитывая обозначенную доктринальную критику, теория динамической правоспособности «более подходит» для характеристики категории правосубъектности. Именно правосубъектность является динамичной, вариативной, гибкой категорией, и она зависит не только от взаимоотношения с иными лицами, но и от состояния (статуса) физического лица на конкретном этапе его социального развития. Поэтому правосубъектность – более всего плавномерно «развивающаяся» правовая конструкция, не поддающаяся статичному состоянию.

Предваряя обоснованную критику, заметим, что факт отсутствия практического смысла обозначения такой правосубъектности в текущий временной период очевиден: никаких имущественных и неимущественных предпочтений для любого и каждого не существующего в реальной действительности субъекта права эта теоретическая конструкция не имеет.

Предполагаем, что практический смысл такой **вариативной юридической категории «правосубъектность»** возникнет в ближайшем будущем. Эта юридическая конструкция даст возможность четко обозначить «имущественное и неимущественное состояние» любого субъекта права на любой стадии его развития, или вновь используем образные выражения: «зародышевой», «начальной», «активной», «постактивной» и, наконец, «неактивной».

Если же заглянуть в не такое уж далекое будущее, то так называемая вариативная категория «правосубъектность» имеет реальную возможность получить «практическое применение» в эпоху объективной реализации теории относительности Альберта Эйнштейна.

Возникает ли правосубъектность у роботов как участников гражданских отношений?

Особенности правосубъектности роботов

Ранее мы упоминали об использовании категории правосубъектности в целях разграничения таких правовых форм, как субъекты гражданского права и объекты гражданского права.

Ценность подобного разграничения приводит к пониманию возникновения в современном имущественном обороте фактического нового субъекта права – виртуального образования, или робота.

As an additional argument, let us quote one of the most brilliant jurists L. I. Petrazhitzky: “The very doctrine of individuals as separate living beings possessing legal capacity from the moment of birth to the moment of death generally contains such provisions of (official) law from which it can be seen that the underlying basic doctrines of individuals are incorrect, in particular, that legal capacity does not cease at the time of death, that deceased people can have rights and obligations” [14, p. 321].

As far back as at the end of the 19th century, some scholars de facto differentiated between the concepts of legal personality and legal capacity.

Therefore, let us conclude studying this issue with a logical inference: ***insolvency (bankruptcy) is a legal standing not of an object of rights, but of a subject of rights. Therefore, a deceased individual, when the court considers the case of his/her insolvency (bankruptcy), can be considered personable, since his/her legal connection with the society is not lost.***

It should be additionally noted that legal personality of individuals that are “physically not separated” in the property and non-property turnover can be argued by M. M. Agarkov’s theory of dynamic legal capacity.

The author expressed the essence of this theory as follows: “... legal capacity must be understood dynamically. Civil legal capacity for each given individual at any given moment of time means the ability to have certain specific rights and obligations depending on his/her relations with other individuals” [1, p. 72].

“The theory of dynamic legal capacity should also be rejected when describing special legal capacity of legal entities. The main drawback of the theory of dynamic legal capacity is that its supporters mix the scope of legal capacity of the subject of law (citizen and organization) with the volume of subjective rights belonging to the person at any given moment of time.” [20, p. 13].

We believe that the corresponding criticism with regard to the category of legal capacity may be fair, but it is completely wrong and absolutely

unfair with regard to the category of civil legal personality.

Even considering the indicated doctrinal criticism, the theory of dynamic capacity is “more appropriate” to characterize the category of legal personality. It is legal personality that is a dynamic, variable, flexible category, and it depends not only on the relationship with other persons but also on the standing (status) of the individual at a particular stage of his/her social development. Therefore, legal personality is the most systematically “developing” statutory concept not subject to the static state.

Anticipating the justified criticism, let us note that the fact that there is no practical sense in designating such legal personality in the current time period is obvious: this theoretical structure has no property and non-property preferences for any and every subject of rights that does not exist in reality.

We assume that the practical sense of such a **variable legal category** as “legal personality” will appear in the near future. This statutory concept will make it possible to clearly identify the “property and non-property status” of any subject of rights at any stage of its development - “germinal”, “initial”, “active”, “postactive”, and, finally, “inactive”, if to apply figurative expressions.

And if you look into the not so distant future, the so-called variable category “legal personality” has a real chance to get “practical application” in the epoch of the objective realization of Albert Einstein’s theory of relativity...

Does Legal Personality Arise in Robots as Participants of Civil Relations?

Peculiar Features of Legal Personality of Robots

We have already mentioned the use of the category of legal personality in order to distinguish between such legal forms as subjects of civil law and objects of civil law.

Such distinguishing is important in understanding the appearance of an actual new subject of law in the current property turnover – virtual formation, or a robot.

Начнем с того, что современная российская цивилистика вообще не оперирует таким прилагательным, как «виртуальный» и, тем более, юридической конструкцией «виртуальное лицо».

Однако эти понятия давно и повсеместно используются в общественной терминологии, встречаются в юридической литературе [15, с. 51], используются в терминологии исследователей информационного права.

Следует согласиться с Л. К. Терещенко: «Инфраструктура как сервис означает аренду вычислительных мощностей, но не физически, а виртуально. Пользователю предоставляется виртуальный сервер с уникальным IP-адресом (или набором адресов), структура для хранения данных и возможность управления этим комплексом» [18, с. 219–220].

Обозначим трактовку виртуального лица – «сетевая» проекция реального физического лица либо «придуманый» этим же лицом вымышленный персонаж, функционирующий лишь в виртуальном пространстве.

Подобных проекций и персонажей у одного физического лица может быть бесчисленное множество.

Информационная телекоммуникационная сеть Интернет набирает обороты, а посему – постепенно, но очень последовательно становится реальным «конкурентом» материального мира.

С развитием информационной телекоммуникационной сети Интернет роботизированные системы (роботы) также постепенно и последовательно вовлекаются в имущественный и немущественный оборот, а потому становятся участниками и правового пространства!

«В некотором смысле рассматриваемая проблематика может быть уподоблена дискуссии интернет-права, и потому допустимо провести параллель с позицией Л. Лессига, согласно которой анализ проблем регулирования отношений в сети Интернет, несмотря на свой принципиально межотраслевой характер, может позволить взглянуть по-новому на отдельные положения фундаментальной юридической науки. Но если основные выводы исследователя были связаны в основном с общетеоретической проблематикой соотношения между различными социальными регуляторами, то в данном случае в центре внимания может оказаться именно *правосубъектность* [4, с. 170].

Присоединимся к указанному суждению и напомним так называемое «классическое» понимание юридической категории «правосубъектность», суть которой в свое время была емко отражена О. А. Красавчиковым: «В чем же состоит специфика правосубъектности как юридической формы? Кратко ответить на этот вопрос можно так: она состоит в том, что правосубъектность как юридическая форма служит юридической мерой способности участия лиц в соответствующих гражданских отношениях. Данная мера подобно всем правовым формам юридически определяет границы» [11, с. 17].

Правовые границы правосубъектности в цивилистике традиционно обозначаются сквозь призму разграничения между субъектами и объектами гражданских прав.

Например, согласно параграфу 285 Всеобщего гражданского кодекса Австрии, «все, что отлично от лица и служит для использования людьми, в правовом смысле называется вещью» [7, с. 54].

Однако любое правовое разграничение является условным, зависящим от воли физических лиц, а также от так называемой «правовой проекции».

Но следует ли применять категорию правосубъектности к роботам (роботизированным системам)?

Для начала заметим, что В. В. Архиповым, В. Б. Наумовым термин «робот» определяется в ключе сложного устройства, функционирующего на основе собственной информационной системы, способного к автономным действиям и физическому взаимодействию с окружающим миром» [4, с. 157].

Современное российское гражданское законодательство, а за ним и правоприменительная практика квалифицируют роботов (роботизированные системы) в качестве объектов гражданских прав.

Цитата: «Как видно из материалов дела, на основании внешнеэкономического контракта... ООО ... ввезло на таможенную территорию Таможенного союза по декларациям на товары... *товар* (курсив наш. – С. П.) «модель гуманоидного робота NAO NEXT GEN и сменный модуль (лазерная голова NAO) предназначена для демонстрационных целей в качестве обучающей модели на кафедрах робототехни-

Let us start with the fact that modern Russian civil law does not apply such an adjective as “virtual”, and, moreover, the statutory concept “virtual person”.

However, these concepts have been used in social terminology for a long time, they are found in judicial literature [15, p. 51] and used in the terminology of information law researchers.

One should agree with L. K. Tereschenko: “Infrastructure as a service is defined as leasing computing capacities, not physically but virtually. The user is provided with a virtual server with a unique IP address (or a set of addresses), a structure for data storage and the ability to manage this complex” [18, pp. 219–220].

Further, let us define a virtual person - a “network” projection of a real individual or a fictional character invented by this individual functioning only in the virtual space.

One individual can have a myriad of such projections and characters...

The information telecommunication network Internet “is gaining momentum”, and therefore, it is gradually, but very consistently, becoming a “real competitor” to the material world.

With the development of the Internet, robots (robotic systems) are also gradually and consistently involved in the property and non-property turnover, and therefore also become real participants of the legal space!

“In a sense, the considered subject matter can be likened to the Internet law discourse, and, therefore, it is permissible to draw a parallel with L. Lessig's point of view that analysis of the problems of regulating relations on the Internet, in spite of its fundamentally interdisciplinary nature, may allow us to take a new look at certain provisions of the fundamental legal science. However, if the main conclusions of the researcher were mainly connected with the general theoretical issues of the relationship between various social regulators, in this case, the focus may be on *legal personality* [4, p. 170].

We will “join” this judgment and “remind” the so-called “classical” understanding of the legal category “legal personality”, the essence of which was once capaciously reflected by O. A. Krasavchikov: “What is the specificity of legal personality as a legal form? This question can be briefly answered in the following way: it consists in that legal personality as a legal form serves as a legal measure of the persons’ ability to participate in relevant civil relations. This measure, similar to all legal forms, legally determines the boundaries” [11, p. 17].

Legal boundaries of legal personality in civil law have been traditionally determined through the prism of the distinction between subjects and objects of civil rights.

For example, according to paragraph 285 of the Austrian Universal Civil Code, “everything that is different from a person and serves to be used by people is legally called an item” [7, p. 54].

However, any legal distinction is conditional, depending on the will of individuals, as well as on the so-called “legal projection” ...

So, is it reasonable to apply the category of legal personality to robots (robotic systems)?

To begin with, it should be noted that V. V. Arkhipov and V. B. Naumov define “robot” as a complex device that operates on the basis of its own information system capable of autonomous actions and physical interaction with the environment” [4, p. 157].

Modern Russian civil legislation and the law enforcement practice qualify such robots as objects of civil rights.

Quotation: “As you can see from the case papers, based on the foreign economic contract ... LLC ... imported into the customs territory of the Customs Union according to goods declarations... the *product* “model of the NAO NEXT GEN humanoid robot and the plug-in module (NAO laser head) are intended for demonstration purposes as a training model in the departments of robotics,

ки, технических университетом, применяется в области развития искусственного интеллекта... Является автономным, интерактивным и полностью программируемым гуманоидным роботом. Может применяться для научно-исследовательских работ в области развития искусственного интеллекта»⁶.

Аналогичным образом виртуальные лица («роботы») квалифицируются и в некоторых иных судебных актах⁷.

Есть немногочисленные примеры арбитражной судебной практики, когда роботы (роботизированные системы) квалифицируются как субъекты гражданских прав.

Цитата: «При этом исследование проводилось экспертом на основании изучения сообщений программных файлов операционной системы Windows и изучения сообщений роботом программы “Uni”, поскольку привести аппарат в рабочее состояние эксперту не удалось»⁸.

Или роботизированная система de-facto выполняла функции субъекта гражданских правоотношений – эксперта.

Современная российская цивилистика «не признает» данные общественные явления в качестве субъектов гражданских прав.

Нет никакого логического смысла обозначать эти явления в гражданском праве (их квалификацию) с правовой конструкции либо животных, либо юридических лиц (публичных образований). Первые (животные) не обладают в материальном мире социальным статусом, идентичным физическим лицам, что закономерно образом определяет их правовое положение. Вторые (публичные образования и юридические лица) являются не чем иным, как объединениями физических лиц для достижения поставленных этими лицами целей – как частных, так и публичных.

⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 сент. 2015 г. по делу А56-67074/2014.

⁷ Определение высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № ВАС-1681/13; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 7 апр. 2017 г. по делу А56-31881/2013; решение Суда по интеллектуальным правам от 21 мая 2015 г. по делу № СИП-211-2015; постановления Арбитражного суда Московского округа: от 17 окт. 2017 г. по делу А40-215201/2016, от 31 окт. 2017 г. по делу А40-230655/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 7 марта 2017 г. по делу № ф09-757/17.

⁸ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14 февр. 2017 г. по делу № А54-4956/2015.

Главное и важное: основной целью функционирования роботов (роботизированных систем) в обществе является *замещение физических лиц*.

В правовом пространстве роботы (роботизированные системы) являются не чем иным, как **«осознанной проекцией человека» или quasi-физическим лицом**.

Заметим, что «правосубъектность представляет собой «имущественное и статусное состояние» физического лица, **уникальность** которого обусловлена **его индивидуальными ресурсными способностями и возможностями** [15, с. 50].

Поскольку роботы (роботизированные системы) в реальном пространстве (материальном мире) замещают некоторые, а иногда и все социальные функции человека, то почему эти quasi-физические лица нельзя признавать правосубъектными?

Поскольку деятельность любого робота (любой роботизированной системы) напрямую «зависит» от информационных ресурсов и технических возможностей, постольку данные компоненты и составляют **правосубъектность данного общественного явления (явлений)!**

Современные тенденции развития российского общества свидетельствуют о серьезном «обособлении» субъектов прав от объектов прав, что обусловлено тенденцией повсеместной индивидуализации человеческого пространства.

Индивидуализация субъектов прав свидетельствует о том, что важную юридическую ценность для реальных (физических лиц) и виртуальных (роботов) субъектов гражданских правоотношений будут иметь информационные ресурсы (в противовес материальным ресурсам).

Или, «может быть, **в недалеком будущем в гражданском праве все и все будут “танцевать” вокруг “информационных продуктов”**» [16, с. 7].

Соответственно, станет более значимой доля роботов (роботизированных систем) в имущественном и неимущественном обороте.

К вопросу ответственности роботов (роботизированных систем) следует отнести очень серьезно, поскольку **отвечает в реальном пространстве за неправомерное содеянное пока человек!**

technical universities, used in the field of the artificial intelligence development... It is an autonomous, interactive and fully programmable humanoid robot. It can be used for scientific research in the field of the artificial intelligence development»⁶.

Similarly, virtual persons (“robots”) are also qualified in some other acts of court⁷.

In judicial practice there are some incidents, though very few in number, from which follows another legal characteristic of these devices.

Quotation: “... the research was conducted by an expert based on studying the messages of program files of the Windows operating system and studying messages of the Uni software by a robot, since the expert could not restore the device.”⁸

In other words, the robotic system de facto exercised the functions of a subject of civil legal relations – an expert.

Modern Russian civil law “does not recognize” these social phenomena as subjects of civil rights.

There is no logical sense in defining these phenomena in civil law (in qualifying them) from the statutory concept of either animals or legal entities (public entities). The first ones (animals) do not have a social status in the material world that would be identical to that of individual persons, which naturally determines their legal status.

The second ones (public and legal entities) are

⁶ Judgment of the Arbitration Court of the North-Western District in the case No. А56-67074 / 2014 of September 28, 2015.

⁷ Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. VАС-1681/13 of March 04, 2013, Judgment of the Arbitration Court of the North-Western District in the case No. А56-31881/2013 of April 07, 2017, Decision of the Court on Intellectual Property Rights in the case No. СИП-211-2015 of May 21, 2015, Judgment of the Arbitration Court of the Moscow District in the case No. А40-215201/2016 of October 17, 2017, Judgment of the Arbitration Court of Moscow District in the case No. А40-230655/2016 of October 31, 2017, Judgment of the Arbitration Court of the Ural District in the case No. ф09-757/17 of March 07, 2017.

⁸ Judgment of the Arbitration Court of the Central District in the case No. А54-4956/2015 of February 14, 2017.

nothing more than associations of individual persons to achieve the goals set by these individuals, both private and public.

The main and most important thing is that the primary purpose of the robots (robotic systems) functioning is **to replace individuals**.

In the legal space, robots (robotic systems) are nothing more than a **“conscious projection of a person” or a quasi-individual**.

It should be noted that “legal personality is a “property and status standing” of an individual, **the uniqueness** of which is preconditioned by **his/her individual resource capabilities and opportunities**. [15, p. 50].

And since robots (robotic systems) in the real space (material world) replace some, and sometimes all, social functions of a person, why cannot these quasi-individuals be considered personable?

Just as the activity of any robot (any robotic system) directly “depends” on information resources and technical capabilities, these components make up **legal personality of the given social phenomenon (phenomena)!**

The current trends in the development of the Russian society indicate a serious “separation” of subjects of rights from objects of rights, which is preconditioned by the tendency of universal individualization of the human space.

Individualization of subjects of rights indicates that information resources (as opposed to material resources) will have an important legal value for real (individuals) and virtual (robots) subjects of civil legal relations.

“Maybe in the near future **everyone and everything in civil law will “dance around” information products**”. [16, p. 7].

Accordingly, the share of robots (robotic systems) will become more significant in the property and non-property turnover.

The issue of the liability of robots (robotic systems) should be taken very seriously, because **people are responsible for wrongful acts in the real world space so far!**

На текущий временной период можно использовать простое правило распределения рисков ответственности (полной, повышенной, ограниченной) между физическими лицами и quasi-физическими лицами.

Резюмируем: *к роботу, равно как и к роботизированной системе, как сложным механическим устройствам, de-facto «стремящимся» соответствовать параметрам органического существа – человека, правовые конструкции, используемые для животных, юридических лиц (публичных образований), не применимы. Эти общественные явления в юридическом смысле представляют собой некую «сознательную проекцию» человека, или являются quasi-физическим лицом, либо объединениями quasi-физических лиц.*

Смеем утверждать: роботов и роботизированные системы объективно необходимо будет признавать субъектами гражданских правоотношений в недалеком будущем.

На данном этапе развития общественных отношений к этим явлениям можно попробовать применять правовую форму «виртуального лица».

Особенности правосубъектности публичных и частных образований

De-facto и публичные образования, и юридические лица представляют собой не что иное, как объединения людей, поэтому можно набраться смелости и исследовать категорию правосубъектности этих «искусственных» субъектов в однородном порядке.

Для обоснования заявленной позиции заметим, что главное «разделительное» начало этих конструкций права (юридические лица и публичные образования) выступает в обосновании их существования исключительно в публичном или частном интересе.

Но на само категорийное понимание правосубъектности это обоснование не оказывает какого-либо заметного юридического влияния, поскольку здесь имеет значение не сама по себе цель объединения, а факт достижения конкретного имущественного, равно и неимущественного, результата.

Если рассматривать публичные образования, то они, естественно, имеют свою специфику: могут самостоятельно принимать правила регулирования в сфере гражданского оборота,

принимать акты, из которых возникают гражданские правоотношения, иметь властные функции, опосредованно влияющие на права других субъектов.

Если говорить о юридических лицах, то они рассматриваются как обобщающее юридико-техническое понятие, служащее для признания лиц или вещей правосубъектными феноменами.

Почему они становятся таковыми (в силу какого критерия, в силу каких многочисленных теорий: теории интереса, теории целевого имущества, теории фикции, теории организации, теории администрации, теории правового средства, теории персонифицированного имущества и т. д.), в целях исследования категории правосубъектности решающего значения также не имеет.

Напомним давно сформулированные и верные суждения: «Цель публичного права – общество, частного – человек» [26, с. 23].

Начнем с юридических лиц.

Зачастую для достижения общих целей необходимо объединять имущество. В этом случае требуется решить четыре задачи: во-первых, обеспечить защиту совместного имущества от внешних посягательств третьих лиц; во-вторых, создать условия для эффективного управления (владения) общим имуществом; в-третьих, создать механизм, обеспечивающий использование имущества для достижения поставленных целей и противодействующий нарушениям, связанным с неправильным (вследствие неосторожности или умысла) использованием имущества; в-четвертых, создать механизм для принятия решений относительно порядка управления общим имуществом и механизм урегулирования споров – в случае возникновения разногласий [8, с. 19].

Поскольку мы пытаемся обосновать наличие единого подхода в формировании правосубъектности юридических лиц и публичных образований, то можем констатировать законодательные и правоприменительные правила некоторых зарубежных правовых порядков.

Так, в Федеративной Республике Германии «публичными объединениями лиц являются государство и внутренние объединения. В теории гражданского права под внутренними объединениями понимаются, например, федерации (Bund), федеральная земля (Bundesland), общи-

For the time being, it is possible to use a simple rule for the distribution of liability risks (full, increased, limited) between individuals and quasi-individuals.

Summing up, *we should say that the statutory concepts applied to animals, legal entities (public entities) are not applicable to robots and robotic systems as complex mechanical devices de facto “striving” to meet the parameters of an organic being – a person. In the legal sense, these social phenomena represent a certain “conscious projection” of an individual, they are quasi-individuals or associations of quasi-individuals.*

We dare to affirm that robots and robotic systems should be objectively recognized as subjects of civil legal relations already in the near and imminent future.

At this stage of the public relations development, we can try to apply the legal form of a “virtual person” to these phenomena.

Peculiar Features of Legal Personality of Public and Private Entities

Both public and legal entities are de facto nothing more than associations of people, so let us take a liberty of studying the category of legal personality of these “artificial” subjects in a uniform manner.

To justify the stated position, let us note that the “distinguishing” basis of these statutory concepts (legal entities and public entities) is in the justification of their existence exclusively in public or private interest.

However, this justification has no noticeable legal influence on the categorical understanding of legal personality itself, since it is not the purpose of association, but the fact of achieving a specific property and non-property result that matters.

If we consider public entities, of course, they have their own specifics: they can independently establish regulating rules in the sphere of civil circulation, adopt acts giving rise to civil relations,

exercise power functions that indirectly influence the rights of other entities.

If we consider legal entities, they are regarded as a generalizing legal and technical concept which serves to recognize persons or things as personable phenomena.

The reason why they become such (due to what criterion, due to what numerous theories: theory of interest, theory of the target property, theory of fiction, theory of organization, theory of administration, theory of legal means, theory of personalized property, etc.) does not really matter in course of studying the category of legal personality.

Let us recall fair judgments formulated long ago: “The purpose of public law is the society, the purpose of private law is the person” [26, p. 23].

And let us begin with legal entities.

Achieving common goals often requires combining property. In this case, it is necessary to solve four tasks: firstly, to ensure protection of the joint property from the external encroachment of any third parties; secondly, to create conditions for effective management (ownership) of the common property; thirdly, to create a mechanism that ensures the use of the property to achieve the set goals and counteracts any violations related to improper (due to negligence or intent) use of the property; fourthly, to create a mechanism for making decisions on the management of the common property and a mechanism for settling disputes – in case of any” [8, p. 19].

Since we try to justify the existence of a unified approach in the formation of legal personality of legal entities and public entities, we can state legislative and law enforcement rules from some foreign systems of justice.

For instance, in the Federal Republic of Germany, “public associations of persons are the state and internal associations. In the theory of civil law, internal associations include federations (Bund), federal lands (Bundesland),

на (Gemeinde) как юридические лица, обладающие публичными правами на определенной территории, или частные объединения, образованные в добровольном или принудительном порядке, основанные на определенных профессиональных группах (Personalkopfelschaft), например адвокатские коллегии, торгово-промышленные палаты [8, с. 47].

Аналогичные нормы существуют и в гражданском праве Франции.

«Юридическими лицами публичного права во Франции являются государство, округа, департаменты, общины, общественные учреждения, а также объединения общественных интересов.

Государство вправе делегировать отдельные свои полномочия местным коллективам, наделяя их самостоятельностью в вопросе принятия решений. Местные коллективы осуществляют свои права и обязанности только в пределах определенной территории округа, департамента или общины, потому они часто называются территориальными коллективами. Такие административно-территориальные единицы, как район или кантон, не имеют статуса субъекта права, следовательно, не являются юридическими лицами.

Статус юридического лица, которое наделяется правом самостоятельного предоставления вверенных ему услуг, имеют многие публичные учреждения, осуществляющие научную, культурную, социальную, финансовую, торговую, медицинскую и т.д. деятельность. В форме публичных учреждений во Франции существуют высшие учебные заведения, общественные больницы, лицеи, колледжи, центры социального обеспечения в общинах, кассы муниципального кредита и т.д.» [19, с. 97–98].

Несмотря на то что подобная классификация в современном гражданском законодательстве Российской Федерации de-iure отсутствует, de-facto она применима и для нашей правовой системы.

Позволим себе утверждать, что правосубъектность юридического лица и публичного образования имеет главный квалифицирующий признак – правосубъектность носит **характер привилегии, бонуса, признания**.

Это «признание» дает одним коллективным общественным образованиям реализовывать свои коллективные права, а может не давать другим общественным образованиям пра-

во такой реализации в силу отсутствия соответствующего статуса. До наделения подобным правовым статусом правосубъектность юридических лиц и публичных образований de-facto не возникает, равно как и de-iure.

По своему юридическому содержанию правосубъектность юридических лиц и публичных образований тем и отличается от правосубъектности физических и виртуальных лиц, что она как не существует до наделения **правовым статусом «искусственных образований»**, так и не существует после **прекращения этого статуса!**

Принципиальные отличия правосубъектности юридического лица от правосубъектности публичного образования могут быть рассмотрены в контексте «имущественного объединения людей» и «территориального объединения людей».

Ни одно, ни другое объединение никоим образом не «дает» в полном объеме «раскрыться» категории «правосубъектность», поскольку объединение лиц (чем оно больше и разнороднее) всегда «вскрывает» определенный конфликт интересов.

Этот конфликт интересов на практике приводит к размытому пониманию категории «правосубъектность», когда статус соответствующего субъекта существует лишь у конкретных лиц, имеющих административные властные рычаги управления (в конкретном публичном образовании и юридическом лице).

Или, например, в качестве субъектов предпринимательской деятельности, в юридической литературе называют коллективные образования, не обладающие статусом юридического лица.

«Статус финансово-промышленных групп (холдингов) весьма показателен: недопустимо сводить все коллективные образования к гражданско-правовой категории “юридическое лицо”. Субъектами права, в том числе и гражданского, могут быть образования, не обладающие признаками юридического лица» [17, с. 75].

Не будем заострять внимание на этих проблемах и сделаем следующий вывод: правосубъектность юридических лиц и публичных образований всегда имеет свойство статуса, уникальность которого обусловлена их *коллективными ресурсными способностями и возможностями*.

communities (Gemeinde) as legal entities exercising public rights in a particular territory, or private associations formed in a voluntary or compulsory manner and based on certain professional groups (Personalkopfelschaft), for example, bar associations, chambers of commerce and industry [8, p. 47].

Similar norms exist in the civil law of France.

“Legal entities of public law in France are the state, counties, departments, communities, public institutions, as well as associations of public interests.

The state has the right to delegate its certain powers to local collectives, vesting them with the decision-making autonomy. Local collectives exercise their rights and obligations only within a certain territory of a district, department or community, therefore, they are often called territorial collectives. Such administrative-territorial units as district or canton do not have the status of a subject of law, consequently, they are not legal entities.

Many public institutions that conduct scientific, cultural, social, financial, commercial, medical, etc. activities have the status of a legal entity vested with the right to independently provide services entrusted to it. Higher educational institutions, public hospitals, lyceums, colleges, social welfare centers in communities, municipal loan offices, etc. have the form of public institutions in France.” [19, pp. 97–98].

Although such a classification is de jure absent in the current civil legislation of the Russian Federation, it is de facto applicable to our legal system.

Let us affirm that legal personality of a legal entity and a public entity has the main qualifying feature – this legal personality has **the nature of a privilege, a bonus, a recognition**.

This “recognition” allows some collective public entities to enforce their collective rights, and may not provide other public entities with the right to such enforcement because they have no appropriate status. Until such legal status is granted, le-

gal personality of legal entities and public entities does not arise either de facto or de jure.

According to its legal substance, legal personality of legal entities and public entities differs from legal personality of individuals and virtual persons in that it exists neither before the **legal status of “artificial formations:”** is granted, nor after the **termination of this status!**

The fundamental differences between legal personality of a legal entity and legal personality of a public entity can be considered in the context of a “property association of people” and “a territorial association of people”.

Neither the first nor the second type of association provide opportunity for the category of legal personality to “expose itself” to the full extent, since an association of persons (the larger and more diverse it is) always “reveals” a certain conflict of interests.

In practice, this conflict of interest leads to a vague understanding of the category of legal personality, when the status of the relevant entity exists only for specific individuals who have administrative arms of government (in a particular public entity and legal entity).

Or, for example, in judicial literature, collective formations that do not have the status of a legal entity are called subjects of entrepreneurial activity.

“The status of financial and industrial groups (holdings) is rather illustrative: it is inadmissible to reduce all collective entities to the civil legal category “legal entity”. Subjects of law, in particular, civil law, may include entities that do not have the features of a legal entity” [17, p. 75].

We will not focus on these problems and summarize with the following conclusion: legal personality of legal entities and public entities always has the property of a status, whose uniqueness is predetermined by *their collective resource capabilities and opportunities*.

Возникает ли правосубъектность семьи (социальной группы) как участника семейных отношений?

Особенности правосубъектности семьи

Предлагаемый алгоритм в части квалификации особенности правосубъектности публичных образований и юридических лиц рискнем использовать в целях характеристики еще более древнего общественного образования, в настоящее время именуемого социальной группой или семейным союзом.

Цели создания семьи – удовлетворение, прежде всего, личных, а уже потом имущественных потребностей людей, потребностей в любви, взаимопонимании, взаимной выручке и поддержке, социальной адаптации к меняющимся экономическим и историческим условиям современного общества.

Между тем исторически, генетически, а более всего традиционно любой и каждый семейный союз предполагает наличие имущественных связей между его участниками, поскольку семья объективно не может не развиваться экономически, как самостоятельная хозяйственная единица общества.

Когда создается социальное партнерство, союз, «семейное товарищество», его участник (супруг) априори подчиняется его правилам. Но меняют ли эти социальные правила «правовую оболочку» семейного союза? Однозначно да, поскольку в гражданском обороте супруги уже выступают совместно, определяя для себя соответствующие границы возможного либо должного поведения.

Физические лица, состоящие в браке либо являющиеся членами конкретной семьи, с учетом общего мнения всех членов такого семейного сообщества, устанавливают соответствующие границы поведения в обществе, как правовые, так и социальные.

Попытаемся проанализировать категорию правосубъектности в семейном праве с разграничения этой категории с категорией правосубъектности в гражданском праве. Особенность семейной правосубъектности состоит в содержательном характере семейных правоотношений, базирующемся на наличии двух важных социальных феноменов – семьи и брака. Семья может быть охарактеризована как значимый для общественных процессов и явлений

институт: «общество – это масса, состоящая сплошь из индивидуальных семей, как бы его молекул» [22, с. 83].

Семья как личный союз все же имеет обобщающую характеристику как объединение людей, созданных в том числе для достижения общественных полезных целей, например рождение детей. Однако конструкция семьи, понимаемая как социальный союз супругов, имея древнюю этимологическую сущность, при наличии определенных условий может приобретать явно выраженное правовое содержание.

Данное правовое содержание обусловлено общностью частных интересов членов семьи с возможным их вступлением в противоречие с интересами иных лиц, групп, образований. «Семья – базовый институт гражданского общества, который обеспечивает условия для реализации частных интересов отдельных членов семьи, интересов семьи в целом, общества и государства» [10, с. 33].

Подобное общественное значение в современном правосознании уделяется и браку как отдельному социальному феномену. Заметим, что в юридической литературе брак традиционно рассматривается в социологическом и правовом аспектах. Вот одно из определений брака в социологическом смысле – «исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их отношения друг к другу и к детям» [5, с. 634].

В зарубежном и в российском семейном праве брак рассматривается как сделка, как статус, как институт особого рода (*sui genesis*).

Характеристика брака как статуса наиболее емко отражает семейную правосубъектность, наделяя участников брачного союза общностью личных и имущественных интересов, которые могут отличаться от личных и имущественных интересов лиц, не состоящих в браке, соответственно от их гражданской правосубъектности.

Правосубъектность участников такого семейного союза может быть не равнозначной, поскольку представляет собой вариативное юридическое состояние каждого из супругов, это состояние является гибким, изменчивым, эластичным, мобильным.

Семейное право оперирует несколькими иными, нежели в гражданском праве, катего-

Can There Arise Legal Personality of a Family (Social Group) as a Participant of Family Relations?

Peculiar Features of Legal Personality of a Family

Let us take the liberty of using the algorithm proposed to qualify the peculiar features of legal personality of public entities and legal entities for characterizing an even older public formation, which is nowadays called a social group, or a matrimony.

The purpose of making a family is to satisfy, first of all, personal, and only then property needs of people, need for love, mutual understanding, mutual revenue and support, social adaptation to the changing economic and historical conditions of the modern society.

Meanwhile, historically, genetically, and most of all, traditionally, any and every matrimony presupposes the existence of property relations between its participants, since a family objectively cannot but develop economically as an independent economic unit of the society.

When a social partnership, a matrimony, a “family partnership” is created, its participant (spouse) a priori “obeys” its rules. However, do these social rules change the “legal shell” of the matrimony? Definitely yes, since in the civil circulation, spouses are already acting together, determining the appropriate boundaries of possible or proper behavior for themselves.

Individuals who are married or who are members of a particular family, taking into account the general opinion of all the members of such a family community, establish appropriate legal and social boundaries of behavior in the society.

Let us try to analyze the category of legal personality in family law starting with distinguishing this category from the category of legal personality in civil law. A peculiar feature of family legal personality consists in the content-related nature of family legal relations, based on the presence of two important social phenomena – family and marriage. Family can be characterized as an institution significant for social processes and phenomena, as

evidenced by the following quotation: “... the society is a mass consisting entirely of individual families, as it were its molecules” [22, p. 83].

Family as a personal union still has a generalizing characteristic as an association of people created, among other things, to achieve socially useful purposes, for example, the birth of children. However, under certain conditions, the family structure, understood as a social union of spouses, having an ancient etymological essence, can acquire a marked legal substance.

This legal substance is preconditioned by the commonality of private interests of family members with their possible conflict with the interests of other persons, groups, entities. “Family is the basic institution of the civil society that provides the conditions for realizing the private interests of individual family members, the interests of the family in general, the society and the state” [10, p. 33].

In the modern legal consciousness, such social value is also given to marriage as a separate social phenomenon. It should be noted that in legal literature, marriage is traditionally considered in the sociological and legal aspects. Here is one of the definitions of marriage in the sociological sense – “a historically conditioned, sanctioned and regulated by the society form of relations between a woman and a man, establishing their relations to each other and to children” [5, p. 634].

In foreign and Russian family law, marriage is considered a transaction, a status, an institution of a special kind (*sui genesis*).

The characteristic of marriage as a status most concisely reflects family legal personality, vesting the members of the matrimony with a commonality of personal and property interests, which may differ from the personal and property interests of single persons and, respectively, from their civil legal personality.

Legal personality of the participants of such matrimony may be not equal since it represents a variable legal state of each spouse, this state is flexible, changeable, elastic, mobile.

Family law applies categories of subjects other than civil law, including spouses, parents,

риями субъектов, к коим относятся супруги, родители, дети, опекуны, попечители и т.д., хотя в целом они имеют общую правовую характеристику физических лиц. Эта характеристика ничуть не различает содержание гражданской правоспособности и гражданской дееспособности этих лиц, но серьезно влияет на содержание их семейной правосубъектности.

Семейная правоспособность представляет собой абстрактное юридическое понятие, такая правоспособность иногда не зависит от воли, сознания, действий, соглашений участников семейных правоотношений.

В свою очередь, семейная дееспособность – способность физического лица своими действиями приобретать и осуществлять для себя семейные права, создавать для себя семейные обязанности и исполнять их. В литературе не все ученые признают наличие семейной дееспособности, обуславливая необходимость ее характеристики лишь по достижении определенного возраста [13, с. 11].

Сторонники иной позиции полагают, что наличие семейной правоспособности не является необходимой предпосылкой возникновения, изменения и прекращения всех семейных правоотношений [3, с. 88–89].

Из указанных точек зрения видно, что правовая грань между гражданской правосубъектностью и семейной правосубъектностью является «тонкой», «размытой», но она есть и определяется именно *статусом участника семейного отношения!*

«Правосубъектность в одном из своих аспектов может быть понимаема как взаимосвязь лица и общества по поводу будущих отношений первого со всеми третьими лицами – субъектами гражданского права. Именно поэтому ее принято рассматривать в качестве одной из предпосылок возникновения конкретных гражданских правоотношений» [11, с. 19].

Ежели принять во внимание этот совершенно верный тезис, то правосубъектность супруга выступает предпосылкой возникновения отношений не только и не столько с субъектами семейного права, но и с субъектами гражданского права. Семейную правосубъектность следует рассматривать как обобщающую предпосылку возникновения семейных и гражданских правоотношений, поскольку зачастую

такие правоотношения взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Такую же характеристику можно принять в целях понимания правосубъектности в семейном праве, а именно правосубъектности супругов. Но поскольку супруги всегда характеризуются как союз, объединение, товарищество, то можно ли обозначать семью с позиции ее правосубъектности? Правосубъектность супругов может выступать в качестве правовой формы, поскольку предполагает возможность физических лиц участвовать в имущественном и неимущественном обороте в обязательной зависимости от их соответствующего статуса.

Так, любой из супругов фактически имеет ограничения в совершении сделок с имуществом, находящимся в общей совместной собственности, условием дачи согласия на совершение сделки другим супругом. Правовой режим общей совместной собственности предполагает общность имущественных интересов, закономерно приводящих к выработке единых правил внутрисемейного регулирования имуществом, что, в свою очередь, свидетельствует о выработке единых правил социального поведения супругов. У супругов вырабатывается единый подход к разрешению не только и не столько конфликтов, явно имеющих правовой характер, как, прежде всего, многообразных общественных конфликтов.

Исходя из общего понимания категории правосубъектности семьи как одного из важных элементов политического, правового, социального развития данного общественного образования такая социальная группа никоим образом «не претендует» на категорию «правосубъектность».

Однако нельзя сбрасывать со счетов правовой аспект семьи, закономерно свидетельствующий о субъективном характере семейного сообщества (его субъекты действуют сообща и в одном «направлении»).

Ежели рассмотреть правовые конструкции обобщающе, то можно заметить, что правовая проекция, которую применяет человек к общественным отношениям для удобства своей деятельности, впоследствии может находить логическое и практическое применение в будущем.

Такой алгоритм следует применить к семейным отношениям в контексте правосубъ-

children, guardians, trustees, etc., although in general they have a common legal characteristic of individuals. This characteristic does not distinguish the scope of civil legal capacity and competence of these individuals, but significantly influences the scope of their family legal personality.

Family legal capacity is an abstract legal concept, such legal capacity sometimes does not depend on the will, consciousness, actions, agreements of the participants in the family legal relations.

In turn, family competence is the ability of an individual to acquire and exercise family rights through his/her actions, create family responsibilities for himself/herself and fulfill them. In the literature, not all scientists recognize the existence of family competence, predetermining the necessity to characterize it only by reaching a certain age [13, p. 11].

Supporters of another point of view believe that the existence of family legal capacity is not a necessary prerequisite for the appearance, change and termination of all the family legal relations [3, pp. 88–89].

As it is clear from these points of view, the legal boundary between civil legal personality and family legal personality is “thin”, “blurred”, but it exists and is determined by the *status of the participant in family relations!*

“In one of its aspects, legal personality can be understood as a relationship between individual and the society regarding the future relationship of the former with all the third parties - subjects of civil law. That is why it is considered one of the prerequisites for the appearance of specific civil legal relations” [11, p. 19].

If we take this absolutely fair thesis into account, legal personality of a spouse is a prerequisite for the appearance of relations not only and not so much with the subjects of family law, but also with the subjects of civil law. Family legal personality should be considered as a generalizing prerequisite for the appearance of family and civil

legal relations, since such legal relations are often interrelated and interdependent.

The same characteristic can be applied in order to understand legal personality in family law, namely, legal personality of spouses.

However, since spouses are always characterized as a union, an association, a partnership, is it possible to designate a family from the standpoint of its legal personality? Legal personality of spouses can act as a legal form, since it implies the possibility of individuals to participate in the property and non-property turnover in a mandatory dependence on their respective status.

For example, any of the spouses is actually restricted in making transactions with the property being in common joint ownership by the condition of giving consent to the transaction by the other spouse. The legal structure of common joint property presupposes a commonality of property interests, which naturally lead to the development of uniform intra-family property regulation rules, which, in turn, indicates the development of uniform rules for the social behavior of spouses. Spouses develop a unified approach to resolving not only and not so much conflicts that are clearly legal in nature, but, first of all, diverse social conflicts.

Proceeding from the general understanding of the legal personality of a family as one of the important elements of the political, legal, social development of this public entity, such social group does not in any way “qualify” for the category of legal personality.

However, we cannot “discount” the legal aspect of family which naturally indicates the subjective nature of the family community (its subjects act jointly in one “direction”).

When considering the statutory concepts in a generalized way, we can see that the legal projection that an individual applies to social relations for the convenience of his/her activity can subsequently find a logical and practical application in the near and imminent future.

Such an algorithm should be applied to family relations in the context of legal personality of

ектности семьи – семейное товарищество как полноправный участник правового социума.

В качестве доказательства правосубъектности супругов (семейного сообщества) рассмотрим примеры арбитражной судебной практики.

На «первичном» этапе формирования практики применения законодательства о банкротстве граждан к вопросу совместной подачи заявлений о признании несостоятельными (банкротами) супругов отдельные арбитражные суд субъектов Российской Федерации подход или «лояльно».

Так, при рассмотрении одного из дел о банкротстве Л. и его супруги Л. арбитражный суд принял совместное заявление супругов, ссылаясь на наличие общих денежных обязательств не менее чем 500 000 рублей и недостаточность стоимости принадлежащего им имущества для удовлетворения требований всех кредиторов.

Арбитражный суд de-facto мотивировал процессуальную возможность рассмотрения совместного заявления о банкротстве супругов следующим:

«Присоединение к заявлению Л. его супруги Л. не влечет неблагоприятных последствий для банка в виде банкротства супруга, поскольку он обладает правом на самостоятельное обращение с заявлением ввиду наличия у него денежных обязательств перед кредиторами в размере не менее чем 500 000 рублей.

Кроме того, банкротство Л. в отдельном от супруги производстве никоим образом не ухудшает, а даже усугубляет положение банка при дальнейшем распределении конкурсной массы, нежели при банкротстве супругов в одном производстве, в силу приведенной банком нормы пункта 1 статьи 45 Семейного кодекса РФ.

При таких обстоятельствах довод банка о невозможности совместного рассмотрения заявлений супругов об их банкротстве отклоняется судом кассационной инстанции, как не направленный на восстановление прав и законных интересов кассатора.

Более того, пункт 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве позволяет подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денеж-

ные обязательства и(или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

Согласно разъяснениям, данным в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» при реализации должником права на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом на основании пункта 2 статьи 213.4 Закона о банкротстве учитывается наличие обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что должник не в состоянии исполнить обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, и признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества у должника (пункт 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве). Размер неисполненных обязательств в этом случае значения не имеет»⁹.

По другому делу, приняв к производству заявление банка о банкротстве супругов, арбитражный суд констатировал такую процессуальную возможность такой мотивацией:

«Должники А. и А. являются супругами, что подтверждается представленным в материалах дела свидетельством о заключении брака.

Статьей 34 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. Общим имуществом являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или иные коммерческие организации, и любое другое нажитое в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого и кем внесены денежные средства.

Кредитный договор устанавливает солидарную ответственность заемщиков по договору. Таким образом, долг по данному кредитному договору является общим долгом супругов.

⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 марта 2017 г. по делу А27-6391/2016.

a family - a family partnership as a full participant in the legal community.

Let us prove legal personality of spouses (a family community) through some examples of rare but interesting arbitration precedents.

When application of the private bankruptcy legislation was only entering into practice, individual arbitration courts of the RF constituent entities were “loyal” to joint filing of petitions to recognize spouses insolvent (bankrupt).

For example, when considering one of the bankruptcy cases of L. and his wife L., the arbitration court accepted the joint petition of the spouses, referring to the existence of common financial obligations of not less than 500,000 rubles and the insufficiency of their property to satisfy the claims of all the creditors.

The arbitration court de facto justified the procedural possibility to consider a joint petition in bankruptcy of the spouses as follows:

“Joining of L.’s wife to the petition of L. does not result in unfavorable consequences for the bank in the form of the spouse's bankruptcy, since he has the right to independently handle the petition because he has monetary obligations to the creditors in the amount of no less than 500,000 rubles.

Moreover, bankruptcy of L. in the proceeding separate from his spouse in no way improves, and even worsens the bank’s position during the further distribution of the bankrupt estate in comparison with the case of the spouses’ bankruptcy in one proceeding, by virtue of the rule of Clause 1, Article 45 of the Family Code of the Russian Federation, cited by the bank.

Under such circumstances, the bank's argument about the impossibility to jointly consider the bankruptcy petitions of the spouses is rejected by the cassation court as not aimed at restoring the rights and legal interests of the appellant.

Moreover, Clause 2, Article 213.4 of the Bankruptcy Law allows one to file a bankruptcy petition to the arbitration court in case of foreseeing bankruptcy in the presence of circumstances that clearly indicate that he is unable to fulfill his

financial obligations and (or) the obligation to make compulsory payments in a timely manner, while the citizen meets the signs of insolvency and (or) signs of insufficient property.

According to the explanations given in Clause 11 of the Resolution of the Plenum of the RF Supreme Court of 13.10.2015 No. 45 “On Certain Issues Related to the Introduction of the Procedures Applied in Private Insolvency (Bankruptcy) Cases”, when the debtor exercises the right to appeal to the arbitration court with a bankruptcy petition based on Clause 2, Article 213.4 of the Bankruptcy Law, it is necessary to take into account the existence of circumstances clearly indicating that the debtor is not able to fulfill the obligations and (or) the duty to make compulsory payments in a timely manner, and there are signs of insolvency and (or) insufficient property of the debtor (Clause 3, Article 213.6 of the Bankruptcy Law). In this case, the amount of outstanding obligations does not matter.”⁹

In another case, having accepted for hearing the bank's petition in bankruptcy of the spouses, the arbitration court stated such procedural possibility by the following reasoning:

“Debtors A. and A. are spouses, which is confirmed by the certificate of marriage presented in the case papers.

Article 34 of the Family Code of the Russian Federation stipulates that the property acquired by spouses in course of their marriage is their joint property. The common property also includes movables and immovables, securities, shares, deposits, equity stakes deposited to credit institutions or other commercial organizations, and any other property acquired in course of marriage, regardless of in favor of which of the spouses it was acquired or in favor of whom and by whom the money was deposited.

The loan contract establishes joint liability of the borrowers under the contract. Thus, the debt under this loan contract is the joint debt of the spouses.

⁹ Judgment of the Arbitration Court of the West-Siberian District in the case No. A27-6391/2016 of March 06, 2017.

Согласно пункту 7 статьи 213.26 закона «О несостоятельности (банкротстве)», имущество гражданина, принадлежащее ему на праве общей собственности с супругом (бывшим супругом) подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам. Одновременно предусмотрена возможность расчета с кредиторами супруги (супруга) по общим обязательствам с супругом гражданина-банкрота в деле о его банкротстве.

Согласно пункту 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации, общие обязательства (долги) супругов – это те обязательства, которые возникли по инициативе супругов в интересах всей семьи, или обязательства одного из супругов, по которым все полученное им было использовано на нужды семьи. Общими долгами (обязательствами) супругов, пока не доказано обратное, являются в числе прочего и кредиты в банках либо в финансовых организациях, полученные на нужды семьи.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции обоснованно пришел к выводу о том, что должники имеют общие обязательства, то есть общих кредиторов, которые для удовлетворения своих притязаний могут претендовать на имущество супругов, имеющее режим совместной собственности, в связи с чем допустимо в данном случае формирование единого реестра требований кредиторов и формирование конкурсной массы в едином деле о банкротстве должников.

Возбуждение и рассмотрение дел о банкротстве каждого из супругов приведет лишь к увеличению судебных расходов на проведение процедур банкротства и споров по вопросу, в каком именно деле о банкротстве следует реализовывать совместное имущество супругов»¹⁰.

Однако с 2017 года четко обозначился подход, согласно которому практически все арбитражные суды субъектов Российской Федерации отказывают в принятии совместного заявления супругов о признании должников несостоятельными (банкротами).

Суть такого подхода без какой-либо вариативности¹¹ в правовой оценке в разных суде-

ных актах арбитражных судов может быть сведена к следующему:

«Из материалов дела следует, что, обращаясь в суд с настоящим заявлением, заявители указали на то, что являются супругами, имеют общее имущество и обязательства, общих кредиторов.

Между тем, как верно указано судом первой инстанции, семья не является субъектом в рамках дела о банкротстве, в том числе банкротства физических лиц, и не наделена правоспособностью в рамках дела о несостоятельности (банкротстве); правами и обязанностями, а не семья в целом.

Закон о банкротстве наделяет правами и обязанностями каждого из супругов при банкротстве должника – физического лица, а не семью в целом.

Ответственность супругов по обязательствам регулируется главой 9 Семейного кодекса Российской Федерации, при этом действующий Закон о банкротстве не содержит норм о банкротстве двух или нескольких должников в рамках одного дела.

Также наличие общей задолженности должников, например солидарной, не препятствует обращению кредитора с требованием исполнения обязательств к одному из должников, соответственно, не препятствует ведению дела о банкротстве только в отношении одного из должников.

В силу закона каждый из заявителей имеет право на самостоятельное обращение в арбитражный суд о признании его несостоятельным (банкротом).

Исходя из изложенного у суда первой инстанции имелись правовые основания для неприятия к производству совместного заявле-

4440/2017-ГК; 14-го арбитражного апелляционного суда от 23.03.2018 № А13-8725/2016; 13-го арбитражного апелляционного суда от 24.03.2017 № 13АП-1709/2017; 11-го арбитражного апелляционного суда от 19.09.2017 № А65-20684/2016; 9-го арбитражного апелляционного суда от 19.06.2017 № 09АП-26034/2017; 7-го арбитражного апелляционного суда от 08.08.2017 № 07АП-6486/2017/1, от 15.02.2018 № 07АП-1031/2018/1; 4-го арбитражного апелляционного суда от 28.12.2016 № А19-9333/2016; 17-го арбитражного апелляционного суда от 15.12.2017 № 17АП-18834/2017-ГК; 13-го арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 № 13АП-2589/2017; 12-го арбитражного апелляционного суда от 24.08.2017 № А06-3464/2017; 2-го арбитражного апелляционного суда от 07.04.2016 № А82-1882/2016; 1-го арбитражного апелляционного суда от 16.03.2017 № А43-26919/2016.

¹⁰ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27 дек. 2017 г. по делу А33-11455/2017.

¹¹ Постановления: 18-го Арбитражного апелляционного суда от 09.02.2018 № 18-АП-16823/2017; 17-го арбитражного апелляционного суда от 10.04.2017 № 17АП-

According to Clause 7, Article 213.26 of the "Insolvency (Bankruptcy) Law", the property of a citizen owned by him/her on the basis of common property with his/her spouse (former spouse) is subject to sale in the private bankruptcy case under the general rules. At the same time, it is possible to settle with the creditors of the wife (husband) under the common obligations with the spouse of the bankrupt citizen in his/her bankruptcy case.

According to Clause 2, Article 45 of the Family Code of the Russian Federation, common obligations (debts) of spouses are the obligations that arose at the initiative of the spouses for the benefit of the whole family, or the obligations of one of the spouses under which everything he/she had received was used for the needs of the family. Common debts (obligations) of spouses, until proven otherwise, are, among other things, loans in banks or financial organizations received for the needs of the family.

Under such circumstances, the court of first instance reasonably concluded that the debtors have common obligations, that is, common creditors, who, in order to satisfy their claims, can be eligible for the property jointly owned by the spouses, in which connection in this case it is permissible to form a single register of creditors' claims and to form a bankrupt estate in a consolidated bankruptcy case of the debtors.

The initiation and consideration of bankruptcy cases of each of the spouses will only lead to an increase in the legal costs of bankruptcy procedures and disputes over the issue in which bankruptcy case the joint property of the spouses should be sold."¹⁰

However, since 2017, there has been applied an approach, according to which almost all the arbitration courts of the constituent entities of the Russian Federation refuse to accept a joint petition in insolvency (bankruptcy) of spouses.

In different judicial acts of arbitration courts, the essence of such an approach, lacking any variability in the legal assessment,¹¹ can be reduced to the following:

¹⁰ Judgment of the Third Arbitration Court of Appeal in the case No. А33-11455/2017 of December 27, 2017.

¹¹ Judgment of the Eighteenth Arbitration Court of Appeal No. 18-AP-16823/2017 of February 09, 2018, Judgment of the

"It follows from the case papers that when going to the court with this petition, the applicants pointed out that they are spouses, have common property and liabilities, common creditors.

Meanwhile, as it is correctly stated by the court of first instance, the family is not a subject in the bankruptcy case, including bankruptcy of individuals, and is not vested with legal capacity within the framework of the insolvency (bankruptcy) case.

The bankruptcy law grants rights and obligations to each of the spouses in case of bankruptcy of the debtor – individual, but not the family as a whole.

The spouses' liability for obligations is regulated by Chapter 9 of the Family Code of the Russian Federation. At the same time, the applicable bankruptcy law does not contain any rules concerning bankruptcy of two or more debtors in one case.

The existence of a common debt of debtors, for example, a solidary debt, neither prevents the creditor from filing a claim for the fulfillment of the obligations to one of the debtors, nor prevents the bankruptcy case from being pursued only against one of the debtors.

By virtue of law, each of the applicants has the right to independently apply to an arbitration court to declare him/her insolvent (bankrupt).

Proceeding from the aforesaid, the court of first instance had legal grounds not to accept for

Seventeenth Arbitration Court of Appeal No. 17AP-4440/2017-GK of April 10, 2017, Judgment of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal No. А13-8725/2016 of March 23, 2018, Judgment of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP-1709/2017 of March 24, 2017, Judgment of the Eleventh Arbitration Court of Appeal No. А65-20684/2016 of September 19, 2017, Judgment of the Ninth Arbitration Court of Appeal No. 09AP-26034/2017 of June 09, 2017, Judgment of the Seventh Arbitration Court of Appeal No. 07AP-6486/2017/1 of August 08, 2017, Judgment of the Seventh Arbitration Court of Appeal No. 07AP-1031/2018/1 of February 15, 2018, Judgment of the Fourth Arbitration Court of Appeal No. А19-9333/2016 of December 28, 2016, Judgment of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal No. 17AP-18834/2017-GK of December 15, 2017, Judgment of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal No. 13AP-2589/2017 of February 22, 2017, Judgment of the Twelfth Arbitration Court of Appeal No. А06-3464/2017 of August 24, 2017, Judgment of the Second Arbitration Court of Appeal No. А82-1882/2016 of April 07, 2016, Judgment of the First Arbitration Court of Appeal No. А43-26919/2016 of March 16, 2017.

ния П. о признании их несостоятельными (банкротами)¹².

Между тем в статье 45 Семейного кодекса Российской Федерации прямо предусмотрен абсолютно разный режим обращения взыскания на имущество супругов:

– по общим обязательствам супругов либо индивидуальным обязательствам каждого из супругов (если судом установлено, что все полученное по такому индивидуальному обязательству использовано на нужды семьи) – на общее имущество супругов;

– по индивидуальным обязательствам – на имущество каждого из них, а при его недостаточности – на долю супруга-должника, которая бы ему причиталась при разделе общего имущества супругов.

Ежели арбитражным судом будет очевидно образом установлено, что неплатежеспособность супругов обусловлена неисполнением их общих обязательств, то почему нельзя инициировать их совместное банкротство?

В обоснование этого довода приведем три аргумента.

Во-первых, цитату признанного классика гражданского процессуального права Т. М. Яблочкова: «Гражданский процесс, направленный на разрешение правовых конфликтов, не покоится ни на каких самостоятельных, извне взятых постулатах, он покоится на ряде правил целесообразности, имеющих один критерий их правильности – приспособленность к возможному достижению цели процесса: установление материальной правды, под которой мы понимаем соответствие решения закону и действительным обстоятельствам дела, послужившим поводом к спору между сторонами» [25, с. 374].

Во-вторых, при использовании судами второго подхода *de-facto* нарушается принцип справедливости, поскольку в одних судебных актах арбитражные суды и суды общей юрисдикции неукоснительно его соблюдают, а в иных – нет.

Наконец, последний, самый главный теоретический аргумент. Режим совместной собственности является априори определяющим: у супругов общие доходы и общие обязательства, что дает, прежде всего, «материальную возможность», а уже потом – ее процессуальную

реализацию общего освобождения от возникших обязательств в результате неплатежеспособности супругов.

В рассматриваемой ситуации ключевым (определяющим) фактором выступает не правосубъектность супругов (семьи), а используемый ими режим совместной собственности, при котором могут быть применены так называемые «совместные» и «отдельные» банкротства (применительно к конкретным обстоятельствам спора между кредитором (кредиторами) и должником (должниками)).

Полагаем, что семья может выступать субъектом отношений, поскольку правосубъектность каждого из супругов может «наполняться» единым правовым содержанием. Единое содержание определяется единством имущественных обязанностей, которые приводят к однозначному критерию (основанию) их невыполнения перед кредиторами, что, в свою очередь, свидетельствует о возможности «объединения» имущественных прав и обязанностей супругов (семьи).

Поэтому семья, как самостоятельное социальное образование, может в некоторых случаях получать правовой статус (правосубъектность) во взаимоотношениях с иными участниками правового пространства.

Поскольку категория правосубъектности свойственна не только лицам (физическим и юридическим), но и образованиям (государственным и муниципальным), постольку разве невозможно ее использование для характеристики и отдельных социальных групп, в частности семьи?

Выводы

1. Правосубъектность в гражданском и семейном праве представляет собой самостоятельную юридическую форму, в которую облачаются участники имущественного и неимущественного оборота.

Правосубъектность представляет собой **вариативное юридическое состояние** любого и каждого субъекта права, это состояние является гибким, изменчивым, мобильным.

Правосубъектность представляет собой «имущественное и статусное состояние», **уникальность** которого обусловлена **индивидуальными ресурсными способностями и возможностями** физического лица.

hearing a joint petition by P. to declare them insolvent (bankrupt).”¹²

Meanwhile, Article 45 of the Family Code of the Russian Federation expressly provides for a completely different execution upon the spouses’ property:

– for the common obligations of the spouses or individual obligations of each of the spouses (if the court establishes that everything received for such individual obligation is used for the needs of the family) – under the common property of the spouses;

– for individual obligations – under the property of each of them, and in case it is insufficient – under the share of the spouse being the debtor which would be due to him/her when sharing the common property of the spouses.

If the arbitration court expressly establishes that the insolvency of the spouses is preconditioned by the failure to fulfill their common obligations, why is it impossible to initiate their joint bankruptcy?

We will give three arguments to support this judgement.

Firstly, there is a remarkable quotation of the recognized classic of the civil process T. M. Yablochkov: “The civil process aimed at resolving legal conflicts does not rest on any independent postulates taken from outside, it rests on a number of rules of expediency that have one criterion of their correctness – the adaptability to the potential achievement of the goal of proceedings: establishment of the material truth, which we define as the compliance of the decision with the law and the actual circumstances of the case which initiated the dispute between the parties” [25, p. 374].

Secondly, when courts use the second approach, the principle of justness is *de facto* violated, since in some judicial acts, arbitration courts and courts of general jurisdiction strictly observe it, but in others – they do not.

Finally, the last and the most important theoretical argument. The mode of joint ownership is a priori determinant: spouses have common incomes and common obligations, which, above all, gives a “material opportunity”, and only then – its procedural realization of the common exemption from the obligations arising as a result of the insolvency of the spouses.

In the considered situation, the key (determining) factor is not legal personality of the spouses (family), but the joint property mode used by them, when the so-called “joint” and “separate” bankruptcies can be applied (in relation to the specific circumstances of the dispute between the creditor(s) and debtor(s)).

We dare to assert that a family can act as a subject of relations since legal personality of each of the spouses can be “filled” with a single legal substance. The single substance is determined by the unity of property obligations, which lead to an unambiguous criterion (basis) of their failure to fulfill to creditors, which, in turn, indicates the possibility “to unite” the property rights and obligations of the spouses (family).

Therefore, the family as an independent social formation can in some cases obtain the legal status (legal personality) in its relations with other participants in the legal space.

Since the category of legal personality is inherent not only in persons (individuals and legal entities) but also to entities (state and municipal), isn’t it possible to use it to characterize individual social groups, in particular, the family?

Conclusions

1. Legal personality in civil and family law is an independent legal form covering the participants of the property and non-property turnover.

Legal personality is a **variable legal state** of any and every subject of law, this state is flexible, changeable, mobile.

Legal personality is a “property and status state”, **the uniqueness** of which is predetermined by the **individual resource capabilities** of an individual person.

¹² Постановление 7-го арбитражного апелляционного суда от 15 февр. 2018 г. № 07АП-1031/2018/1.

¹² Judgment of the Seventh Arbitration Court of Appeal No. 07AP-1031/2018/1 of February 15, 2018.

2. Сам по себе факт одновременного возникновения у субъектов правоотношений правоспособности и правосубъектности не свидетельствует о равнозначности этих юридических конструкций.

Считаем, что именно правоспособность возникает вслед за правосубъектностью, но не наоборот!

Правосубъектность может возникать и тогда, когда еще не возникла правоспособность, и иметь место при отсутствии оной. Правосубъектность в качестве решающей характеристики определяется именно статусом, положением, состоянием лица, а правоспособность и дееспособность – его правовыми возможностями и их практической реализацией.

3. Правосубъектность физических лиц может возникать до их физического обособления и не прекращаться смертью.

Поскольку nasciturus de-facto наделяется правом до его «физического обособления», постольку такое право с момента появления зародыша, подтвержденного медицинским освидетельствованием, может быть любым предусмотренным законом способом защищено его законными представителями.

Равным образом умершее лицо, в период рассмотрения вопроса судом о его несостоятельности (банкротстве), до утраты его права авторства произведений литературы, искусства можно считать правосубъектным, так как его правовая связь с обществом не утрачена.

4. Правосубъектность юридических лиц и публичных образований имеет свойство статуса, обретаемого на основании условий определенного общественного образования.

Этот статус в обязательном порядке носит временные границы, не может «выходить» как за пределы времени, так и за пределы компетенции.

По своему юридическому содержанию правосубъектность юридических лиц и публичных образований тем и отличается от правосубъектности физических и виртуальных лиц, что она как не **существует до надления правовым статусом «искусственных образований», так и не существует после лишения их соответствующего юридического статуса.**

Поэтому рамки такого коллективного образования четко определены и существенно ограничены.

Здесь действует принцип правовой проекции: пока правовая проекция существует для удобства людей, она реальна, но, когда проекция перестает существовать, ни о какой правосубъектности юридических лиц и публичных образований не может быть и речи.

5. Робот, как сложное механическое устройство, по своему юридическому содержанию может быть рассмотрен как сознательная проекция физического лица.

Поэтому робот (виртуальное лицо) вполне «может претендовать» на такую же **квалификацию правосубъектности, которая существует у физического лица**, уже в недалеком и неминуемом будущем.

6. И последнее. Семья как социальное явление может выступать именно субъектом имущественных прав, что обусловлено совместным выполнением супругами имущественных обязанностей в интересах семейного сообщества.

Наконец, режим совместной собственности является априори определяющим: у супругов общие доходы и общие обязательства, что дает, прежде всего, «материальную возможность», а уже потом – ее процессуальную реализацию общего освобождения от возникших обязательств в результате неплатежеспособности супругов. Поэтому семья как самостоятельное социальное образование может в некоторых случаях получать правовой статус (правосубъектность) во взаимоотношениях с иными участниками правового пространства.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1940. 192 с.
2. *Алексеев С. С.* Юридические конструкции – ключевое звено права // *Гражданско-правовые записки: межвуз. сб. науч. тр.* М.: Статут, 2001. 395 с.
3. *Антокольская М. В.* Семейное право. М.: Юрист, 1996. 366 с.
4. *Архипов В. В., Наумов В. Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // *Закон.* 2017. Май. С. 157–170.
5. *Большая советская энциклопедия* / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. 672 с.
6. *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 376 с.

2. The fact of a simultaneous appearance of legal capacity and legal personality in subjects of legal relations does not indicate the equivalence of these statutory concepts.

We dare to assert that legal capacity arises after legal personality, but not vice versa!

Legal personality can arise even when legal capacity has not yet arisen and can exist in the absence of the latter. Legal personality as a decisive characteristic is determined by the status, position, state of the person, while legal capacity and competence – by the person's legal capabilities and their actual implementation.

3. Legal personality of individuals may arise prior to their physical separation and may be not terminated by their death.

Since a nasciturus is de facto vested with the right before its “physical separation”, such right can be protected by its legal representatives in any legal way from the moment of the appearance of the embryo, confirmed by a medical checkup.

Equally, a diseased person, when the court considers the issue on his/her insolvency (bankruptcy), until the loss of his/her right to authorship of works of literature, art, can be considered personable, since his/her legal relationship with the society is not lost.

4. Legal personality of legal and public entities has the property of a status acquired on the basis of the conditions of a certain social entity.

This status has obligatory temporary borders, cannot “go” beyond time and beyond the limits of competence.

According to its legal substance, legal personality of legal entities and public entities differs from that of individuals and virtual persons in the fact that it **neither exists before the legal status of “artificial entities” has been granted, nor exists after they are deprived of their respective legal status.**

Therefore, the frameworks for such a collective entity are precisely defined and significantly limited.

There is applied the principle of legal projection: while legal projection exists for the conveni-

ence of people, it is real, but when the projection ceases to exist, there can be no question of legal personality of legal persons and public entities.

5. By its legal substance, a robot, being a complex mechanical device, can be considered a conscious projection of an individual.

Therefore, it is highly likely that in the near and immanent future a robot (virtual person) will be able to “fully claim” for the same **qualification of legal personality which an individual has.**

6. And finally. Family as a social phenomenon can act as a subject of property rights, which is preconditioned by the spouses' joint fulfillment of property obligations in the interests of the family community.

The mode of joint ownership is a priori determinant: spouses have common incomes and common obligations, which, first of all, gives a “material possibility”, and only then – its procedural realization for a common exemption from the liabilities that arose as a result of the insolvency of the spouses. Therefore, family as an independent social formation can in some cases receive a legal status (legal personality) in the relations with other participants of the legal space.

References

1. *Agarkov M. M.* *Objazatel'stvo po sovetскому grazhdanskomu pravu* [Obligation under Soviet Civil Law]. Moscow, 1940. 192 p. (In Russ.).
2. *Alekseev S. S.* *Juridicheskie konstrukcii – kljuchevoe zveno prava* [Legal Constructions as the Key Element of Law]. *Civilisticheskie zapiski: mezhvuz. sb. nauch. trudov* [Civil Notes: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Moscow, 2001. 395 p. (In Russ.).
3. *Antokol'skaja M. V.* *Semejnoe pravo* [Family Law]. Moscow, 1996. 366 p. (In Russ.).
4. *Arhipov V. V., Naumov V. B.* *O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovanij razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti* [On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality]. *Zakon – ZAKON.* May 16–20, 2017. Pp. 157–170. (In Russ.).
5. *Bol'shaja sovet'skaja enciklopedija* / pod red. A. M. Prokhorova. 3-e izd. [The Great Soviet Encyclopedia; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed.]. Vol. 3. Moscow, 1970. 672 p. (In Russ.).

7. *Всеобщий гражданский кодекс Австрии = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / per. s nem. S. S. Maslova. M.: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с.*
8. *Грачев Д. О., Саликов С. Р. Федеративная республика Германия. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.*
9. *Долинская В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 2.*
10. *Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Изд. дом «Городец», 2007. 192 с.*
11. *Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 5–26.*
12. *Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2017. Т. 2: Кафедра гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 492 с. (Классика рос. цивилистики).*
13. *Нечаева А. М. Семейное право. Курс лекций. М.: Юристъ, 1998. 165 с.*
14. *Петражицкий Л. И. Теория государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2002. 606 с.*
15. *Полыч С. Б. Правосубъектность и физическое лицо // Проблемы права. 2017. № 3(62). С. 50–52.*
16. *Полыч С. Б. Принципы в гражданском праве: учеб. пособие. Челябинск: Цицеро, 2017. 28 с.*
17. *Предпринимательское право России: учебник / В. С. Белых, Г. С. Берсункаев, С. И. Виниченко и др.; отв. ред В. С. Белых. М.: Проспект, 2010. 649 с.*
18. *Терещенко Л. К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М., 2014. 227 с.*
19. *Терновая О.А. Франция. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.*
20. *Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.*
21. *Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М.: Статут, 2003. Т. 4. 456 с.*
22. *Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1982. 238 с.*
23. *Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск: Полиграфист, 1972. 210 с.*
24. *Яковлев В. Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 30–39.*
25. *Яблочков Т. М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М.: Статут, 2005. 425 с. (Классика рос. цивилистики).*
26. *Savigni F. System des heutigen römischen Rechts. 1840. Т. 1.*
1. *Agarkov M. M. Objazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Obligation under Soviet Civil Law]. Moscow, 1940. 192 p. (In Russ.).*
2. *Alekseev S. S. Juridicheskie konstrukcii – kljuchevoe zveno prava [Legal Constructions as the Key Element of Law]. Civilisticheskie zapiski: mezhvuz. sb. nauch. trudov [Civil Notes: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Moscow, 2001. 395 p. (In Russ.).*
3. *Antokol'skaja M. V. Semejnoe pravo [Family Law]. Moscow, 1996. 366 p. (In Russ.).*
4. *Arhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovanij razvitiya zakonodatel'stva o robototekhnike: aspekty voli i pravosub'ektnosti [On Certain Issues of Theoretic Grounds for Development of Robotics Legislation: the Aspects of Will and Legal Personality]. Zakon – ZAKON. May 16–20, 2017. Pp. 157–170. (In Russ.).*
5. *Bol'shaja sovetskaja enciklopedija / pod red. A. M. Prokhorova. 3-e izd. [The Great Soviet Encyclopedia; ed. by A. M. Prokhorov. 3rd ed.]. Vol. 3. Moscow, 1970. 672 p. (In Russ.).*
6. *Bratus' S. N. Sub'ekty grazhdanskogo prava [Subjects of Civil Law]. Moscow, 1950. 376 p. (In Russ.).*
7. *Vseobshhij grazhdanskij kodeks Avstrii = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / per. s nem. S. S. Maslova [General Civil Code of Austria = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch; transl. from Germ. by S. S. Maslov]. Moscow, 2011. 272 p. (In Russ.).*
8. *Grachev D. O., Salikov S. R. Federativnaja respublika Germanija. Obshhie podkhody k regulirovaniju juridicheskikh lic. Vidy juridicheskikh lic [Republic of Germany. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N. G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).*
9. *Dolinskaja V.V. K voprosu o razvitii sistemy uchastnikov grazhdanskogo oborota [To the Question of Development of the Civil Circulation Participants System]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Pravo» – Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2015. Vol. 15. Issue 2. Pp. 76–77. (In Russ.).*
10. *Il'ina O. Ju. Problemy interesa v semejnom prave Rossijskoj Federacii [Issues of Interest in the Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).*
11. *Krasavchikov O. A. Grazhdanskaja pravosub'ektnost' kak pravovaja forma [Civil Legal Personality as a Legal Form]. Pravovye problemy grazhdanskoy pravosub'ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Vol. 62. Sverdlovsk, 1978. Pp. 5–26. (In Russ.).*
12. *Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: v dvukh tomakh [Categories of the Science of Civil Law. Selected Works: in 2 vols.]. Vol. 2. Kafedra grazhdanskogo prava juridicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova [Chair of Civil Law of the Faculty of Law of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. Moscow, 2017. 492 p. (In Russ.).*
13. *Nechaeva A. M. Semejnoe pravo. Kurs lekcij [Family Law. Lecture Course]. Moscow, 1998. 165 p. (In Russ.).*
14. *Petrycki L. I. Teorija gosudarstva v svjazi s teoriej npravstvennosti [The Theory of State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, 2002. 606 p. (In Russ.).*
15. *Polich S. B. Pravosub'ektnost' i fizicheskoe lico [Legal Personality and Physical Person]. Problemy prava – Issues of Law. 2017. Issue 3 (62). Pp. 50–52. (In Russ.).*
16. *Polich S. B. Principy v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie [Principles in Civil Law: Tutorial]. Chelyabinsk, 2017. 28 p. (In Russ.).*
17. *Predprinimatel'skoe pravo Rossii: uchebnyk / V.S. Belykh, G. S. Bersunkaev, S. I. Vinichenko i dr.; otv. red V. S. Belykh, G. S. Bersunkaev, S.I. Vinichenko et al.; ed. by V. S. Belykh]. Moscow, 2010. 649 p. (In Russ.).*
18. *Tereshhenko L. K. Modernizacija informacionnykh otnoshenij i informacionnogo zakonodatel'stva: monografija [Modernization of Informational Relationships and Informational Legislation: Monograph]. Moscow, 2014. 227 p. (In Russ.).*
19. *Ternovaja O.A. Francija. Obshhie podkhody k regulirovaniju juridicheskikh lic. Vidy juridicheskikh lic [France. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N.G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).*
20. *Tolstoj Ju. K. K teorii pravootnoshenija [To the Theory of Legal Relations]. Leningrad, 1959. 88 p. (In Russ.).*
21. *Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava [The Course of Commercial Law]. Vol. IV. Moscow, 2003. 456 p. (In Russ.).*
22. *Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow, 1982. 238 p. (In Russ.).*
23. *Jakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovanija obshhestvennykh otnoshenij: uchebnoe posobie [The Civil-Law Method of Regulation of Public Relations: Tutorial]. Sverdlovsk, 1972. 210 p. (In Russ.).*
24. *Jakovlev V. F. Otrasevoj metod regulirovanija i grazhdanskaja pravosub'ektnost' [Branch Method of Control and Civil Legal Personality]. Pravovye problemy grazhdanskoy pravosub'ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1978. Vol. 62. Pp. 30–39. (In Russ.).*
25. *Jablochkov T. M. K ucheniju ob osnovnykh principakh grazhdanskogo processa [To the*

- cheskikh lic [Republic of Germany. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N. G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).
9. Dolinskaja V.V. K voprosu o razvitii sistemy uchastnikov grazhdanskogo oborota [To the Question of Development of the Civil Circulation Participants System]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Pravo» – Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”. 2015. Vol. 15. Issue 2. Pp. 76–77. (In Russ.).
10. Il'ina O. Ju. Problemy interesa v semejnom prave Rossijskoj Federacii [Issues of Interest in the Family Law of the Russian Federation]. Moscow, 2007. 192 p. (In Russ.).
11. Krasavchikov O. A. Grazhdanskaja pravosub'ektnost' kak pravovaja forma [Civil Legal Personality as a Legal Form]. Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub'ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Vol. 62. Sverdlovsk, 1978. Pp. 5–26. (In Russ.).
12. Krasavchikov O. A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: v dvukh tomakh [Categories of the Science of Civil Law. Selected Works: in 2 vols.]. Vol. 2. Kafedra grazhdanskogo prava juridicheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova [Chair of Civil Law of the Faculty of Law of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. Moscow, 2017. 492 p. (In Russ.).
13. Nechaeva A. M. Semejnoe pravo. Kurs lekcij [Family Law. Lecture Course]. Moscow, 1998. 165 p. (In Russ.).
14. Petrazycki L. I. Teorija gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti [The Theory of State in Connection with the Theory of Morality]. St. Petersburg, 2002. 606 p. (In Russ.).
15. Polich S. B. Pravosub'ektnost' i fizicheskoe lico [Legal Personality and Physical Person]. Problemy prava – Issues of Law. 2017. Issue 3 (62). Pp. 50–52. (In Russ.).
16. Polich S. B. Principy v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie [Principles in Civil Law: Tutorial]. Chelyabinsk, 2017. 28 p. (In Russ.).
17. Predprinimatel'skoe pravo Rossii: uchebnyk / V.S. Belykh, G. S. Bersunkaev, S. I. Vinichenko i dr.; otv. red V. S. Belykh [Entrepreneurial Law of Russia: Textbook; V.S. Belykh, G.S. Bersunkaev, S.I. Vinichenko et al.; ed. by V.S. Belykh]. Moscow, 2010. 649 p. (In Russ.).
18. Tereshhenko L. K. Modernizacija informacionnykh otnoshenij i informacionnogo zakonodatel'stva: monografija [Modernization of Informational Relationships and Informational Legislation: Monograph]. Moscow, 2014. 227 p. (In Russ.).
19. Ternovaja O.A. Francija. Obshhie podkhody k regulirovaniju juridicheskikh lic. Vidy juridicheskikh lic [France. General Approaches to the Regulation of Legal Entities. Types of Legal Entities]. Juridicheskie lica v grazhdanskom prave zarubezhnykh stran: monografija / pod red. N.G. Semiljutinoj [Legal Entities in Civil Law of Foreign States: Monograph; ed. by N.G. Semiljutina]. Moscow, 2015. 427 p. (In Russ.).
20. Tolstoj Ju. K. K teorii pravootnoshenija [To the Theory of Legal Relations]. Leningrad, 1959. 88 p. (In Russ.).
21. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava [The Course of Commercial Law]. Vol. IV. Moscow, 2003. 456 p. (In Russ.).
22. Engels F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Moscow, 1982. 238 p. (In Russ.).
23. Jakovlev V.F. Grazhdansko-pravovoj metod regulirovanija obshhestvennykh otnoshenij: uchebnoe posobie [The Civil-Law Method of Regulation of Public Relations: Tutorial]. Sverdlovsk, 1972. 210 p. (In Russ.).
24. Jakovlev V. F. Otrasleyvoj metod regulirovanija i grazhdanskaja pravosub'ektnost' [Branch Method of Control and Civil Legal Personality]. Pravovye problemy grazhdanskoj pravosub'ektnosti: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [Legal Problems of Civil Legal Personality: Interuniversity Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1978. Vol. 62. Pp. 30–39. (In Russ.).
25. Jablochkov T. M. K ucheniju ob osnovnykh principakh grazhdanskogo processa [To the Study of the Main Principles of the Civil Process]. Sbornik statej po grazhdanskomu i torgovomu pravu [Collected Articles on Civil and Commercial Law]. Moscow, 2005. 618 p. (In Russ.).
26. Savigny F. System des Heutigen Römischen Rechts. Vol. 1. Berlin, 1840. 590 p. (In Germ.).

- Study of the Main Principles of the Civil Process]. Sbornik statej po grazhdanskomu i torgovomu pravu [Collected Articles on Civil and Commercial Law]. Moscow, 2005. 618 p. (In Russ.).
26. Savigny F. System des Heutigen Römischen Rechts. Vol. 1. Berlin, 1840. 590 p. (In Germ.).

References in Russian

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1940. 192 с.
2. Алексеев С. С. Юридические конструкции – ключевое звено права // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут, 2001. 395 с.
3. Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юрист, 1996. 366 с.
4. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. Май. С. 157–170.
5. Большая советская энциклопедия / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 3. 672 с.
6. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 376 с.
7. Всеобщий гражданский кодекс Австрии = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / пер. с нем. С. С. Маслова. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 272 с.
8. Грачев Д. О., Саликов С. Р. Федеративная республика Германия. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.
9. Долинская В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 2.
10. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Изд. дом «Городец», 2007. 192 с.
11. Красавчиков О. А. Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 5–26.
12. Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2017. Т. 2: Кафедра граждан-
- ского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 492 с. (Классика рос. цивилистики).
13. Нечаева А. М. Семейное право. Курс лекций. М.: Юрист, 1998. 165 с.
14. Петражицкий Л. И. Теория государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2002. 606 с.
15. Полич С. Б. Правосубъектность и физическое лицо // Проблемы права. 2017. № 3(62). С. 50–52.
16. Полич С. Б. Принципы в гражданском праве: учеб. пособие. Челябинск: Цицеро, 2017. 28 с.
17. Предпринимательское право России: учебник / В. С. Белых, Г. С. Берсункаев, С. И. Виниченко и др.; отв. ред В. С. Белых. М.: Проспект, 2010. 649 с.
18. Терещенко Л. К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М., 2014. 227 с.
19. Терновая О.А. Франция. Общие подходы к регулированию юридических лиц. Виды юридических лиц: монография / под ред. Н. Г. Семилютина. М.: Норма, 2015. 427 с.
20. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.
21. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М.: Статут, 2003. Т. 4. 456 с.
22. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1982. 238 с.
23. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие. Свердловск: Полиграфист, 1972. 210 с.
24. Яковлев В. Ф. Отраслевой метод регулирования и гражданская правосубъектность // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1978. Вып. 62. С. 30–39.
25. Яблочков Т. М. К учению об основных принципах гражданского процесса // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М.: Статут, 2005. 425 с. (Классика рос. цивилистики).
26. Savigni F. System des heutigen römischen Rechts. 1840. Т. 1.